

Как создавались

ЖИТИЯ СВЯТЫХ

Научно-популярная
БИБЛИОТЕЧКА
по атеизму

Жития христианских святых в течение многих веков служили образцами поведения для верующих. Святых считали заступниками, ходатаями за грешных людей перед престолом всевышнего. По убеждению верующих, святого можно сжечь, сварить в кипящем олове, изрубить на куски, но он оживет, он может исцелять от любых болезней, спасать от смерти и даже возвращать украденные вещи. Стараясь поразить воображение верующих, служители культа не стеснялись в выдумывании небывалых чудес, якобы совершенных святыми, мучений и пыток, перенесенных ими за дело божье. О том, как создавались культ святых и их жития, рассказывается в предлагаемой читателю книге видного советского ученого-историка А. Рановича. Впервые книга была издана в 1931 году под названием «Происхождение христианского культа святых» и пользовалась заслуженной популярностью.

Отзывы и пожелания просим присылать по адресу: Москва, Д-47, Миусская площадь, 7, редакции научного атеизма.

ХРИСТИАНСКОЕ МНОГОБОЖИЕ

Известный венгерский ученый — исламовед Гольдциер приводит в своих «Магометанских этюдах» такой эпизод. В селении Амар некий сириец почувствовал ночью сильную боль в глазах; он выскочил на улицу и начал призывать Аллаха. Но брат больного заметил ему: «Разве ты не знаешь, что Аллах не может вылечить тебя? Надо призвать святого Мар-Серкиса».

Всемогущий Аллах, оказывается, в некоторых случаях бессилен, и другое божество, которое ниже Аллаха по рангу, в своей, правда узкой, специальности сильнее Аллаха. Такова же точка зрения верующего христианина. И даже в официальном культе в таинстве соборования больного православные попы призывают на помощь господу богу особых специалистов «по исцелению немощей телесных» — святых Козьму и Демьяна, Кира и Иоанна, Пантелеймона и др.

Догмат единобожия великолепно уживается в христианской церкви с фактическим и официальным многобожием. Кроме трех богов святой троицы и богородицы существует, по христианскому учению, целый сонм низших божеств, светлых и мрачных, благодетельных и губительных, ангелов и бесов. Евангельская литература полна рассказов об ангелах и демонах, о сатане-искусителе, о небесных и адских силах. Отцы церкви, прославляя своих богов, не отрицают реальности и языческих божеств; они лишь считают их ниже по рангу, чем христианские боги, и злокозненными, вредными силами.

Это и понятно: если приписывается реальное существование Иисусу или богу-отцу, то нет основания

отказывать в паспорте Аполлону или Зевсу. Свою борьбу с языческими богами столпы христианства рассматривали как борьбу с живыми соперниками и конкурентами. В этом отношении они продолжали древнюю европейскую традицию. Для евреев было совершенно естественно, что, например, филистимляне имеют своего бога, хотя и не столь могущественного, как Яхве, и недостойного поклонения. В книге Судей (гл. V) рассказывается о том, что филистимляне захватили в плен ковчег Яхве и поместили его в храме своего бога, Дагона; наутро обнаружилось, что Дагон лежит на земле, распростершись ниц перед Яхве; это поклонение Дагона Яхве повторилось и на следующий день, и в конце концов филистимляне вынуждены были возвратить евреям ковчег Яхве. Иевфай в той же книге Судей (гл. XI) говорит царю аммонитов: «То, что тебе дал в удел твой бог Кемош, тем владей; а то, что наш бог Яхве нам уделил, тем мы владем».

Наряду с основными богами — Иисусом и девой Марией, наряду с менее определенными, хотя и столь же почтенными богами — богом-отцом и святым духом христианское православие и католичество широко практикуют низших богов — мучеников и святых. Эти последние не обладают столь универсальным могуществом, как основные боги, функции их более специальные и узкие, место культа ограничено. Но их легионы неисчислимы. В XVII веке ученый-богослов Болланд начал приводить в порядок жития католических святых; работа, начатая Болландом, упорно продолжается его учениками и последователями до сих пор, но конца ей не видно.

Богословы, считающие единобожие более «возвышенной» верой, чем многобожие, стараются замаскировать свое поклонение святым всякими путаными и туманными словоизлияниями. «Христианский народ, — говорит Блаженный Августин, — чувствует память мучеников торжеством веры... но так, что мы не приносим жертвы никому из мучеников, а только богу мучеников, хотя и устроаем алтари в память мучеников».

В своем «Догматическом богословии» Макарий поясняет: «Церковь Христова почитает праведников не как богов каких, а как верных слуг, угодников и друзей божиих, восхваляет их подвиги и дела, совершенные ими при помощи благодати божией во славу Божию, так что

вся честь, воздаваемая святым, относится к величеству божию, которому они благоугождали на земле своей жизнью; чествует святых ежегодными воспоминаниями о них, всенародными празднествами, созиданием во имя их храмов и т. п.» «Почитая святых как верных слуг, угодников и друзей божиих, святая церковь вместе с тем призывает их в молитвах не как богов каких, могущих помогать нам своею собственною силою, а как представителей наших перед богом — единым источником и раздателем всех даров и милостей тварям, как представителей и ходатаев наших, имеющих силу ходатайства от Христа, который один есть в собственном смысле и самостоятельный ходатай бога и человеков, давший себе избавление за всех». «Исполнение обязанности представителей и ходатаев предполагает, что святые и по отшествии своем на небо, несмотря на отделяющее их от нас расстояние (интересно бы узнать от высокопреосвященного автора точную величину этого расстояния.— А. Р.), могут слышать наши молитвы и знать наши нужды».

Изображение святых как подчиненных представителей и ходатаев несколько не умаляет в глазах верующих божественного характера этих святых. Ведь и римские и греческие низшие боги назывались *intercessores* (посредники), *advocati* (ходатаи) и *tutelares* (покровители). Персидский бог Митра назывался *mesites* (посредник). Посредником же назван и сам Иисус (I посл. к Тим. 2,5). Но решающим является не название божества, а его функции и воздаваемый ему культ. В этом отношении святые — те же боги. Они такие же бесплотные, сверхъестественные существа, обладающие особым могуществом и влиянием на судьбу людей, им воздвигают алтари и храмы, они получают свечи, ладан, им возносятся гимны и молитвы, преподносят обетные дары, в их честь устраиваются празднества и пиры, в церквах в день их памяти приносится «бескровная жертва», в их честь назначаются священные бдения.

Во всяком случае, в представлении самих верующих разница между святым и официальным богом только количественная, но отнюдь не принципиальная. В небольшом сицилийском городке Модике половина населения чтит святого Петра, другая половина — святого Георгия; обе группы рассматривали себя как привер-

женцев разных богов, и санджорджоро (поклонник святого Георгия) никогда не женился на санпьетране (поклоннице Петра).

ЗАЧАТКИ КУЛЬТА СВЯТЫХ У ПЕРВОБЫТНЫХ НАРОДОВ

Культ святых не представляет собою явления специфически христианского. Своими корнями он уходит в глубь веков, к первобытному культу предков. Культ мертвых основан на анимистическом представлении о том, что существо человека — душа, или дух, или как бы его ни называли — остается жить после смерти человека, продолжая оказывать благодетельное или зловредное влияние на судьбы людей. Поэтому приходится умиловствовать эти тени умерших, чтобы обеспечить себе их благоволение.

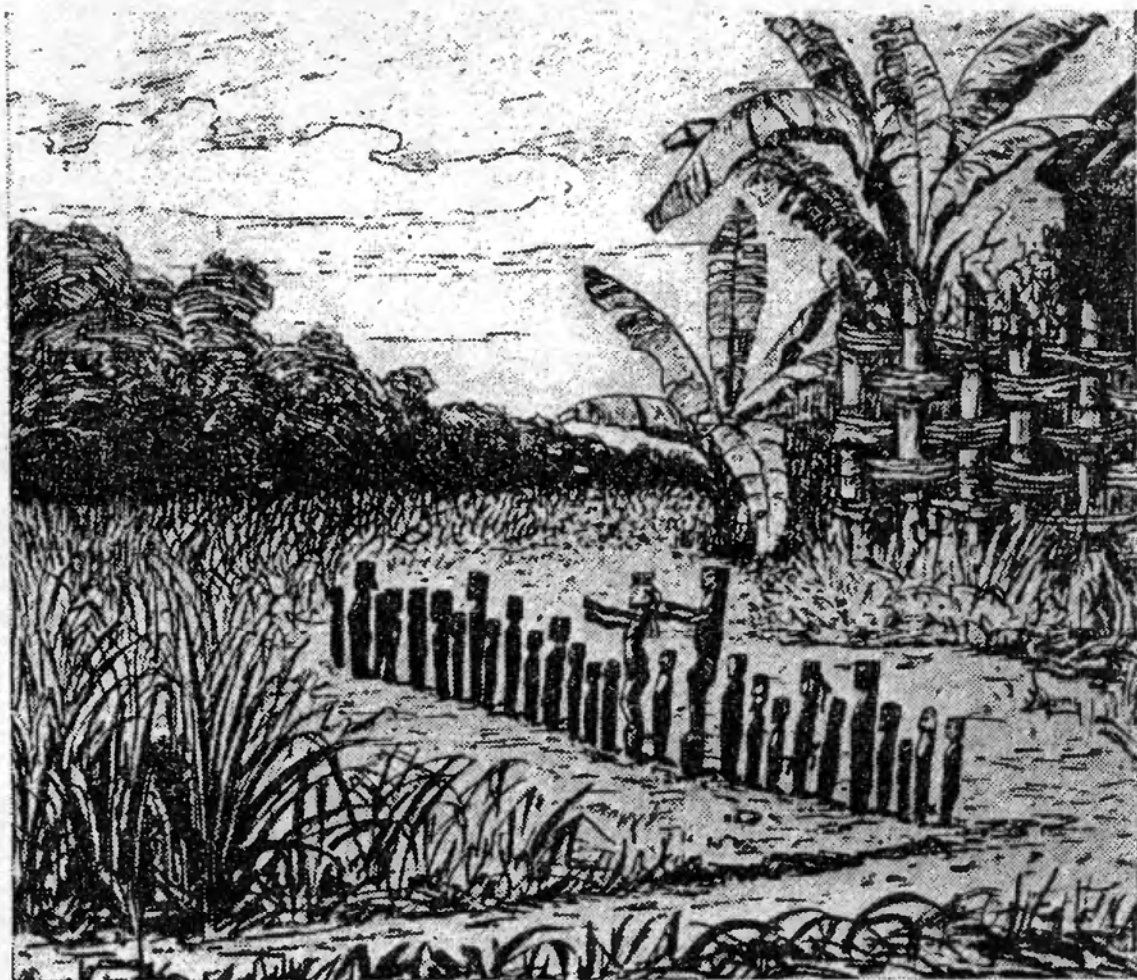
Поскольку вера в загробное существование души распространена по всей земле — от первобытных дикарей до европейских философов-идеалистов, — то и культ мертвых самый распространенный на земле, принимающий самые разнообразные формы.

Однако не все покойники пользуются одинаковым почетом. Духи людей, которых особенно боялись при жизни, — вождей, царей, могучих воинов, сильных рабовладельцев — пользовались соответствующим почитанием после смерти. В первобытной орде власть стариков — носителей накопленного жизненного опыта, обладавших на этом основании особыми привилегиями, отражалась в сознании их сородичей в виде культа предков. Считали, что от покойных соратников и сверстников на стариков нисходит своего рода благодать, коей освящается их привилегированное положение.

Папуасы Новой Гвинеи считали, что предки, обладающие сверхъестественным могуществом, поддерживают с живыми постоянные отношения и оказывают влияние на их дела; они помогают на войне, на охоте, в рыбной ловле, защищают от опасностей на суше, от кораблекрушения на море. Предпринимая поход или путешествие, папуасы вешали на шею амулеты, чтобы обеспечить себе содействие покойников; к ним же они взывали, когда на море их настигала непогода.

Туземцы Австралии устраивали длительные церемонии, в которых они воспроизводили деяния предков. Этим церемониям посвящалось много времени; право участия в них предоставлялось только посвященным.

Меланезийское племя тамы почитало духов предков, впрочем неотдаленных: дальше деда их предание обыч-

Забор духов (Батаки, Индонезия).

но не идет. Оно приносило духам предков дары — небольшую чашечку вареного таро, сигару, орехи бетеля. При этом предполагалось, что бесплотные духи используют принесенные им дары, так сказать, духовно, не затрачивая их материального вещества. Поэтому жертвователю сам съедает жертвенную пищу. Жертвы имели большей частью характер сделки. Жертвователю обращается к предку: «Вот я кладу для тебя сигару, выкури ее и пошли мне рыбу». Или: «Сопровождай меня в походе и позаботься о его успешности».

Когда туземец Новой Каледонии заболел, один из членов семьи принимал на себя его лечение. Но для этого он сначала должен был получить благословение предков. Он отправлялся к погребальной хижине, где покоятся черепа предков, и клал там несколько листьев сахарного тростника, говоря: «Я кладу на вас листья, чтобы я мог пойти подышать на нашего больного родственника и сохранить ему жизнь». Затем он кладет листья сахарного тростника у подножия семейного дерева и говорит: «Я кладу листья у дерева моего отца и деда, чтобы мое дыхание получило целительную силу». После этого он пережевывает несколько листьев и дует на больного. Вылетающие вместе с дыханием брызги слюны с частицами жвачки должны исцелить больного силою благодати, заимствованной у черепа предка и его дерева.

Между предками новокаледонцев уже существует известное разделение труда: предок того или иного рода призывается в зависимости от того, какого благодеяния желают в данный момент добиться. Молитва, обращенная к одному предку, способна вызвать дождь в засуху, другой предок, наоборот, посылает ведро, третий заботится об урожае риса, к четвертому обращаются с молитвою о даровании победы над врагом, иной защищает моряков от опасностей на море и т. д.

Из приведенных примеров видно, что многие элементы современного культа предков имеются уже у первобытных народов. Эти элементы сохранились в полной неприкосновенности в религиозном быту культурных народов в виде наивной веры в загробную жизнь, в связь между покойниками и их родственниками на земле, в пользу обращенной к покойникам молитвы, в необходимость приносить на их могилы дары и т. п.

По мере усложнения и изменения общественных отношений культ предков соответственно видоизменялся, усложнялся и проделал сложную эволюцию через обожествленный тотем к племенному богу, герою-полубогу и божеству. Но на всех стадиях своего развития культ предков сохранял наряду с новыми и старые свои элементарные, примитивные черты в виде не только пережитков, но и живой веры. Религиозные краски накладываются одна на другую, и если поскоблить верхний слой, обнаруживаются следы старой окраски, а местами она проступает наружу ничем не прикрытая.

Кормление души покойника у североамериканских индейцев.
Родственники покойного носили ему ежедневно пищу
до тех пор, пока тело не разлагалось окончательно.

ГЕРОИ-СВЯТЫЕ В ЭЛЛИНСКИХ КУЛЬТАХ

В греко-римском мире, на почве которого выросло христианство, культ предков в историческую эпоху принял характер культа героя. В нем первоначально нашла свое отражение и оправдание власть аристократов и

Прометей лепит людей из глины.

феодалов-завоевателей. В дальнейшем он видоизменился в соответствии с изменением общественных отношений.

Понятие о герое в греческом культе не было строго ограничено. В поэмах Гомера словом «герой» обозначается вождь племени, знатный и вообще свободный человек. Позднее этот термин, применяемый исключительно для обозначения обожествленного после смерти человека, не получил в эллинском богословии точного определения. Практически герои занимают место богов. Эллина, а позднее римляне клянутся именем богов, но чаще — именем героев: Геракла, Поллукса или обожествленного императора. В свидетели договоров призывают богов и местных героев. Историк Геродот (V в.)

обычно объясняет победы над врагами покровительством богов и героев.

Герои — те же боги, но рангом пониже. Павзаний (X. 31. II) говорит по поводу элевсинских мистерий: «Древние считали элевсинские мистерии настолько же выше других религиозных церемоний, насколько боги стоят впереди героев». Их функции более ограничены, район их действия уже, их покровительство распространяется лишь на относительно небольшой круг почитателей, группирующихся вокруг могилы героя.

Но культ героев значительно отличается от культа высших богов. Герою тоже приносятся жертвы, как и богам, но жертвенные животные выбираются особые, обязательно черной масти; жертва приносится не днем, а под вечер и не на высоком алтаре, а над самой землей, на эсхаре, чтобы кровь стекала в землю; при заклинании животного голову его наклоняют вниз, к земле, а не поднимают к небу, вверх; тушу его сжигают, есть ее возбраняется; самое жертвоприношение героям обозначается другим термином, чем жертвоприношение богам.

Все эти черты культа героев свидетельствуют, что он является дальнейшим развитием культа мертвых и представляет собой культ предков. Когда устраивается ритуальное угощение героя, совместная трапеза с ним, выставляется обычная вареная пища.

С культом героев были связаны и знаменитые общегреческие игры-соревнования — олимпийские, немейские, истмийские; будучи первоначально воспроизведением похоронных игр и состязаний, олимпиады впоследствии получили иное обоснование: когда интересы выросшей торговли объединили мелкие греческие племена в более или менее длительные государственные объединения, общенациональные игры стали символом и выражением национального самосознания эллинов и эмблемой демократии, сглаживавшей классовые и национальные противоречия.

Поэтому надо признать, что греческие герои — не потерявшие свое величие боги, а духи предков, поднявшиеся до ранга божества. Само слово «герой» показывает, что речь идет о предках, которым, естественно, присвоено древнее обозначение почтенного человека.

Отсюда понятно, что герой и его культ связаны с могилой героя. Если культ героя присваивается каким-либо

новым городом, то туда обязательно переносятся его мощи. Из многочисленных легенд о перенесении мошей героев особенно характерна для их культа легенда, приведенная у Геродота (I. 67—68): «В прежних войнах с тегеянами лакедемоняне всегда терпели поражения, но во время Креза и в царствование Александрита и Аристона в Лакедемонии спартанцы приобрели перевес над тегеянами. Случилось это так: постоянно терпя поражения от тегеян, лакедемоняне послали в Дельфы спросить, к какому божеству следует им обратиться с молитвами, чтобы победить тегеян. В ответ на это пифия велела добыть кости Ореста, сына Агамемнона. Так как они не могли найти могилы Ореста, то послали снова спросить божество, где находится прах Ореста. Вопрошателям пифия отвечала следующее: «Там, в Аркадии, на ровной земле, где находится Тегея, дуют два ветра, возбуждаемые сильным давлением, удар и обратный удар, и беда лежит на беде, там дающая жизнь земля содержит в себе Агамемнонова сына; его ты возьмешь с собою и будешь покорителем Тегеи». Но и после ответа оракула лакедемоняне столь же мало знали, где покоится прах Ореста, как и раньше, несмотря на все старания открыть его. Наконец открыл его Лиха-спартаец ...благодаря случайности и собственной сообразительности. В пору мирных отношений с тегеянами он зашел в кузницу, смотрел, как куют там железо, и удивлялся работе. Кузнец заметил его изумление ...и сказал: «Если ты, лаконец, удивляешься обработке железа, то тем больше было бы твое изумление, если бы ты увидел то, что я видел. Собираясь сделать колодезь в своем дворе, я стал копать и при этом наткнулся на гроб в семьсот локтей. Не допуская чтобы когда-либо были люди больше теперешних, я открыл гроб и нашел, что покойник точно такой же длины, как и гроб. Измеривши, я снова засыпал гроб землей...» Слушатель вним в рассказ и заключил, что согласно изречению оракула это и есть Орест: два раздувательных меха кузнеца были ветры, наковальня и молот — удар и обратный удар, железо, которое куют, — беда на беде лежащая, ибо, рассуждал он, железо открыто на беду человеку. С такой догадкой Лиха явился в Спарту и рассказал все лакедемонянам... Позже Лиха убедил кузнеца сдать ему двор в наем. Поселившись там, он разрыл могилу, со-

брал кости покойника и с ними удалился обратно в Спарту. С этого времени в каждом столкновении лакедемоняне оказывались гораздо сильнее тегеян и покорили себе большую часть Пелопоннеса».

Сила героя проявляется, таким образом, там, где находится его могила и где покоятся его кости. В крайнем случае можно удовлетвориться и пустой могилой (кепотарфос); здесь сила героя магически притягивается к освященной его именем могиле. Пребывание мощей и останков героя в данном селении обеспечивало прочную и постоянную связь с ним и облегчало сношения. В Трониде вливали жертвенную кровь по трубкам прямо в могилу героя.

Культ святых героев-предков восходит к глубокой древности, к периоду до образования исторических государств классической эпохи. Действительно, раскопки подтверждают, что гробницы героев почитались еще в микенскую эпоху (II тысячелетие до нашей эры). В купольной гробнице в Менизе сохранились обетные приношения — терракотовые щиты и фигуры коней, сосуды для масла и напитков. На черепке чернофигурной вазы VI века сохранилась надпись, свидетельствующая о культе микенского героя. Приношения к гробнице микенской героини царицы Клитемнестры не прекращались и в классическую эпоху. На священном участке о. Делоса найдена микенская гробница, обозначенная двумя камнями. Эта гробница уже в классическую эпоху была обнесена оградой, что говорит о непрерывности традиции культа героев.

Древнейшие герои — вожди племени или рода, цари и князья, рыцари войны и грабежа. Когда в результате революционного движения, охватившего в VII—VI веках до нашей эры все греческие республики, аристократическо-родовой строй был ликвидирован, культ предков принял новые формы. Поскольку род и племя перестали быть хозяйственной единицей и утратили свое политическое значение, прежние племенные божества-герои также перестроились. Когда в Афинах после реформы Клисфена вместо деления на роды было введено территориальное деление на филы и фратрии, то и герои утратили кровную связь со своими сородичами и стали местными святителями. Прежние представления сохранились лишь в том, что герои обычно эпонимы, то

Герой Гильгамеш —
победитель льва.
Миф о Самсоне
очень близок к мифу
о Гильгамеше.

есть по ним якобы названы те или иные филы и демы; они как бы родоначальники не связанного узами родства населения округа. Так, в Афинах этеобутады считали себя потомками Бутеса, алкмеониды — Алкмеона, бузиги — Бузига, спартанские талфибиады вели свой род от Талфибия и т. д. С другой стороны, новые территориальные филы продолжали в культовом отношении фиктивно трактоваться как род и имели свой храм, свой священный участок, жрецов, статуи.

В соответствии с новыми условиями, когда основную массу населения составляли свободные крестьяне и мелкие ремесленники, а власть находилась в руках не родовой, а цензовой знати, всадников, укрепился и утвердился культ общеэллинских богов. Поэты, ораторы и философы наперебой превозносили величие, глубину и мудрость элевсинских таинств Деметры, дельфийского оракула Аполлона, олимпийского Зевса. Оратор Исократ в своем панегирике вос-

хваляет человеколюбие афинян, предоставивших возможность всем без различия пользоваться величайшим даром богов — элевсинскими мистериями. Религия эллинов утверждает богословскую догму, которая всегда была выгодна эксплуататорским группам и классам: равенство людей перед богом, отечески пекущимся обо всех людях, должно затмить неравенство социальное.

Но интересы мелких эллинских городов-государств были слишком противоположны, а их союзы и объединения слишком непрочны, чтобы окончательно уничтожить традиции мелких обособленных республик с племенным богом, превратившимся в местного героя-эпонима. Афина, конечно, могущественная богиня, но она слишком далека, она чужая. Другое дело — местное божество, местный герой, которого когда-то связывали с городом кровные узы, а теперь — находящаяся в городе его могила.

С другой стороны, оживленные отношения между отдельными республиками, объединявшимися часто в военные или экономические союзы, также способствовали смешению своих и чужих героев, и часто случалось, что герой утрачивал не только кровную связь со своими почитателями, но и отрывался от своей территориальной базы. Многие герои приобретали известность и популярность за пределами родного города и стали приравниваться к богам. Такова была, например, судьба Геракла и Асклепия.

Можно было также сместить героя-родоначальника и назначить вместо него нового. В IV веке жители Сициона похоронили на рыночной площади убитого во время партийных раздоров Евфрона и стали воздавать ему почести как «основоположнику города». Наконец, можно было получить чин святого при жизни за особые услуги перед отечеством или за выдающиеся личные качества. На этом основании удостоились героизации спартанские цари, законодатель Ликург, сиракузский тиран Гелон, поэты Эсхил, Софокл, Гомер и т. д.

В результате получился весьма пестрый состав героев. Герои-родоначальники сохранились там, где существовали наследственные, главным образом жреческие, привилегии.

Так, Евмолп считался учредителем элевсинских мистерий, и аристократический род евмолпидов сохранил за собой руководство этим весьма важным в эллинской жизни церемониалом. Жрецы святилища Афродиты на Пафосе — кинириды — вели свой род от Киниры. Герой Фитал, по преданию, принял у себя Деметру, и за это богиня подарила ему смоковницу; на этом основании фиталидам принадлежала привилегия приносить жертву в праздник осхофорий. Талфибий считается родоначаль-

ником, вернее, цеховым богом наследственных герольдов, Маттон — пекарей, Кераон — поваров, Керам — горшечников, Дедал — художников и руководителей философских школ. Героев-родоначальников имели спартанские и македонские цари.

Поскольку место рода заняла городская община, героя-предка сменил герой — основатель города (*oikistes, ktistes*). Так, Абдер считается основателем города Абдеры; город Абдера пользовался славой города глупцов, вроде нашего Пошехонья; по историческим данным, Абдера основана Тимезием в середине VII века. Остров Икаррия назван якобы по имени Икара, погибшего при попытке взлететь на сооруженных его отцом Дедалом крыльях. Пелопс дал свое имя Пелопоннесу, Патрей — городу Патре, Фок — Фокиде и т. д.

Титул героя и соответствующий культ получали также исторические лица, основатели городов и колоний. Александр Македонский почитался как *ktistes* в основанной им Александрии и других городах. Точно так же почитался Димитрий Полиоркет в Сикионе, Антиох Эпифан в Вавилоне. На монетах ряда римских императоров — Юлиа Цезаря, Августа, Нерона и др. — они титулуются создателями и основателями. С течением времени титул «*ktistes*» приобрел значение «творец» и стал применяться к богу.

Но большинство героев и предков, как мы уже указали, не только утратило кровное родство со своими почитателями, но и оторвалось от родных мест. Были созданы поэтому легенды и легендарные жития, чтобы обосновать культ определенного чужого героя в данной местности; суть этих легенд в том, что останки героя так или иначе попали в чужой город, который стал как бы новой родиной для него. Фиванский герой Эдип, изгнанный из родного города, находит приют в Афинах, где его гостеприимно принимает аттический герой Тезей; он оставляет здесь свое брненное тело и становится «спасителем» Афин. После разрушения Трои Эней, сын троянского царя Приама, отправляется в странствование в поисках новой родины; он оставляет следы своего пребывания в разных городах Фригии, Фракии, Аркадии и наконец основывается в Риме, где становится родоначальником дома Цезарей. Герои, павшие в походе «Семь против Фив», были оставлены беотийцами без погребения.

ния, но по просьбе матери убитых Тезей силой завладевает телами павших и предает их сожжению в Элевсине. Перенесение мощей, вроде вышеназванного примера с мощами Ореста, по разным мотивам практиковалось часто. Оно должно было объяснить происхождение культа героя, не связанного в мифологии с данной местностью. Иногда в ход пускается чудо. Труп младенца Меликерта, брошенного в море, доставлен на берег дельфином. Сизиф его нашел, похоронил и в его честь учредил истмийские игры. Орфей, как известно, был растерзан фракийскими женщинами и похоронен то ли у подножия Олимпа, то ли во Фракии. Но его голова и лира попали в реку, которая унесла их в море. Они пристали к Лесбосу, где голову похоронили, а лиру повесили в храме Аполлона.

Наконец, воздавались почести как героям лицам, оказавшим своим личным мужеством особые услуги родине. Так, уже в V веке был учрежден культ спартанцев, геройской смертью в Фермопильском ущелье задержавших наступление персов. Воинам, павшим в битве при Саламине, был учрежден культ, а в Коринфе устроили похороненным на о. Саламине героям фиктивную могилу. Героями почитались тирапоубийцы Гармодий и Аристокитон, избавившие Афины от ненавистного тирана Гиппарха.

При всех своих видоизменениях культ героев сохранил, однако, древние черты культа предков, и верующие продолжали видеть в герое близкого покровителя, обязанного печью о своих родичах.

Более того, сохранилось и совсем первобытное представление о герое-предке как злобном мертвецемстителе. В этом отношении характерна легенда о канонизации «последнего героя» — Клеомеда. По преданию, он в 71-ю олимпиаду (486 год) нечаянно убил в кулачной борьбе своего противника и был поэтому лишен венка. В отчаянии он разрушил колонны, поддерживавшие крышу школы, и, спасаясь от мести за убийство школьников, укрылся в храме, где спрятался в ящике. После тщетных попыток открыть ящик преследователи взломали его, но обнаружили, что ящик пуст. Дельфийский оракул разъяснил, что Клеомед взят живым на небо, и повелел воздавать ему почести как герою и приносить ему жертвы.

Функции героев были многообразны. Во всех случаях жизни: в горе и нужде, в беде и печали — призывали героя, и он спешил на помощь. Во время битвы при Марафоне, по словам Плутарха, многие видели Тезея выступающим против варваров в полном вооружении впереди эллинского войска. Перед битвой при Саламине греки помолились богам и призвали на помощь местных героев — Аякса и Теламона; в подмогу им вытребовали из Эгины мощи Эака и эакидов и для этого послали специально судно в Эгину.

Перед сражением при Платее оракул приказал принести жертвы местным платейским героям-архегетам. Диодор Сицилийский сообщает, что критяне особо чтили Идоменея и Мериона и призывали их как помощников в случае военной опасности. Локряне во время боя всегда оставляли в своих рядах свободное место для Эанта. Хотя деятельность героя ограничена районом места его погребения, но он все же может передвигаться и появляться там, где его присутствие необходимо. У Филострата крестьянин на вопрос, где живет герой Филоктет, отвечает: «Иногда в аду, иногда в Ффии, иногда в Трое, где у него есть товарищи; отправившись на охоту на свиней и ланей, он к вечеру растягивается и засыпает». Но не всегда нужно тревожить самого героя: часто достаточно только какой-нибудь реликвии. Волосы Горгоны, прах Ореста, покрывало Илионы, скипетр Приама вполне заменяли самих героев и служили гарантией безопасности того города, который владел этими реликвиями или, по выражению греков, которым владел герой.

Но герои не только военные защитники. Гезиод называет их вообще «благородными защитниками от зла, охранителями смертных людей». Герои посылают дождь. Если откопать часть могилы Антея, идут дожди. Жители Тифореи ежегодно старались достать немного земли с могил Амфиона и Зефа в Фивах и бросить ее на могилу Антиопы в своем городе. Если это удавалось, в Тифорее был урожай, в Фивах — недород.

Во время голода на Истме к берегу прибило тело Палемона; по этому поводу оракул разъяснил, что единственным способом освободиться от бедствия будет воздаяние почестей герою и устройство погребальных игр в его честь. Коринфяне это сделали, и через некоторое

время голод прекратился, и по «указанию бога» культ Палемона был утвержден на вечные времена. Точно так же учреждение культа Кимона спасло от голода население Киттиона. Особенно многочисленны были герои-целители Асклепий, Махаон, Диоскуры и др. Оратор Аристид в своей речи, посвященной памяти воинов, павших в боях с персами, говорит, что маны тех, кто погиб за свободу отечества, сражаясь против персов, будут постоянными защитниками Греции.

Всякий раз как государство постигает голод, война или другое бедствие, пифия почти всегда дает совет похоронить мощи того или иного героя или воздавать почести их уже погребенным останкам.

Герои в своих попечениях о благе родного города, племени, рода и отдельных почитателей применяют не только свою собственную силу, но и силу богов, перед которыми они выступают как ходатаи и защитники.

«О блаженный,— говорит поэт Пиндар,— тебе пристало — и ты можешь — убедить супруга Геры (Зевса) и светлоокою деву даровать людям силу». Перед праздником, посвященным тому или иному богу, приносили жертву и герою, связанному в мифе с культом этого бога; считалось, очевидно, полезным задобрить героя, чтобы он поддержал обращенную к богу молитву. Когда необычайная засуха постигла Грецию и люди и скот гибли массаами, магистрат Эгины решил принести умиловительную жертву Эаку, сыну Зевса; Эак походатайствовал перед отцом и добился прекращения бедствия. Исократ считает, что божественное происхождение и святость героев придают особый вес их заступничеству. Таким образом, идея о заступничестве героев перед высшими богами свойственна не только христианскому богословию.

Апулей, писатель II века, посвященный в таинства Изиды и изучавший магию того времени, формулирует совершенно отчетливо мысль о полубогах — посредниках и заступниках: «Через них наши желания и наши заслуги становятся известны богам... они передают богам молитвы людей, а людям — милость богов; они — ходатаи за людей и посланники богов».

Культе героев выражался прежде всего в жертвоприношениях, имевших, как уже выше было указано, специфический характер и обозначавшихся особым терми-

ном — enagizein, в отличие от жертвоприношения богам — thyein. Насколько строго проводилось это различие, показывает рассказ Геродота о том, что у некоторых эллинов для Геракла, бывшего не то героем, не то богом, существовало два храма: в одном из них ему приносят жертву как богу, в другом — как герою (enagizousi).

Память каждого героя (или группы их, как, например, павших при Платее) праздновалась в определенный день один раз в год. Святцы до нас не дошли, но относительно 30 героев сохранились даты.

Кроме обычных жертвоприношений героям подносили разного рода обетные дары. Часто упоминается жертва волос, обычная жертва покойнику, весьма распространенная у различных народов.

Существуют многочисленные свидетельства об устройстве разного рода состязаний на могилах героев в день чествования их памяти. Знаменитые олимпиады были учреждены, по преданию, в честь Пелопса, истмийские — в честь Палемона, немейские — в честь Архемора. На могиле Гарпалицей во Фракии «сохранился обычай, что туда приходили толпы людей и во искупление греха сталкивались между собою, как бы сражаясь». Геродот сообщает, что после смерти Мильтиада, основателя колонии Херсонес, жители Херсонеса «приносят жертвы, как это принято для героя-основателя, и устраивают конские и гимнастические состязания».

Так же как и для богов, сочиняли и исполняли специальные гимны для героев, хвалебные речи и панегирики. В честь героев устраивались торжественные процессии, в которых участвовали власти, жрецы, юноши, в процессии носили трофеи, оружие, венки.

Очень часто на монетах чеканили изображение местного героя или сцены из относящегося к нему мифа. Весьма распространен был, по-видимому, также обычай называть детей по имени местного или вообще популярного героя.

Причисление к лику героев первоначально составляло привилегию дельфийского оракула. Но когда после потери Атикой ее независимости Дельфы и общеэллинский культ пришли в упадок, право героизации присвоили различные культовые объединения, ремесленные цехи, отдельные роды и фамилии, и в первую очередь городские власти. В надписи, относящейся ко II веку

до нашей эры, местное культовое товарищество в Пирее постановляет «произвести Дионисия в герои и поместить его в храме бога, где находится и его отец, чтобы сохранить на вечные времена прекраснейшую память о нем». В другой надписи цех кожевников объявляет своего сочлена героем. При таком порядке канонизации новоявленные герои не всегда пользовались признанием вне узкого круга ближайших почитателей и часто термин «герой» был лишь почтительным эпитетом, которым награждали покойника его ближайшие родственники и друзья. Образовалась некоторая иерархия среди героев: с одной стороны, общепризнанные, исконные герои, воспетые Гомером, Пиндаром и Софоклом, с другой стороны, неизвестные герои, вроде упомянутого Дионисия. В римскую эпоху право причислять к лику героев и богов принадлежало римскому сенату.

Культе героев сохранился в Греции до очень позднего времени. Еще для IV века засвидетельствовано в Мегаре жертвоприношение быка героям греко-персидской войны. Плутарх (начало II века) застал еще в полном блеске праздники в честь павших при Платее героев и праздник в честь основателя ахейского союза Арата. Павзаний (конец II века), описывая достопримечательности Эллады, связанные с культом какого-либо героя, очень часто при этом замечает, что культ его еще продолжает существовать. Еще при императоре Августе философ Афинодор был причислен к героям за его заслуги перед городом Тарсом.

ХРИСТИАНСКИЕ СВЯТЫЕ НА СМЕНУ ГРЕЧЕСКИМ ГЕРОЯМ

На культе героев древней Греции пришлось остановиться подробно, так как в нем содержатся все элементы, из коих был построен впоследствии культ христианских святых. Хотя оба культа возникли в различной социальной обстановке и были элементами различных религиозных идеологий, но материал, который послужил оформлению обоих культов, один и тот же. Даже нелепые христианские реликвии и мощи имеют свои прообразы в эллинском культе героев. Если христиане не без выгоды для церкви демонстрировали перья архангела

Гавриила, косточку херувима, луч звезды, которая привела волхвов к яслям младенца Иисуса, или остатки дерева, из которого апостол Петр *предлагал* построить кущи, то и эллины знали не менее пикантные реликвии: яйцо, снесенное Ледой, из которого она высидела Кастора и Поллукса, зубы мифического Эриманфского вепря, стрелы Тевкра, плащ Одиссея, соус, в котором сварили Пелия, гитару Париса, волосы Изиды, бокалы Додоны.

Создавая культ мучеников и святых, христианская церковь черпала материал и внешние формы культа из окружающих верований и обычаев, так же как она создавала свои праздники на основе существующих иудейских и языческих праздников. Хотя и выросший в новых условиях, христианский культ святых продолжал древнюю традицию, оказавшую немалое влияние на его оформление.

Греческое боготворчество приняло новые формы с того момента, как древняя Эллада вошла в состав Римской империи. Внешний рост империи таил в себе элементы ее разложения и падения. Чем шире распространялась политическая власть Рима, тем разнороднее и пестрее становился состав подвластных ему народов, находившихся на самых различных ступенях экономического развития. Поэтому параллельно с тенденциями к объединению всего мира под скипетром римского цезаря нарастали и центробежные силы, которые в конце концов привели к развалу империи. Рабовладельческий Рим со слабо развитой промышленностью и преобладанием ростовщического торгового капитала в крупных центрах и сельского хозяйства в провинции не создал той хозяйственной формы, которая могла бы стать прочной основой его власти.

Греческий культ героев отразил в себе этот двойственный процесс. С одной стороны, утвердился культ императоров, для которого готовая форма была дана в традиции влившихся в империю восточных монархий. Культ императора был чем-то само собой разумеющимся. Не только прославленные императоры, вроде Августа, но и ничтожный Клавдий, всеми ненавидимый Домициан и случайный обладатель власти Пертинак были обожествлены. Про императора Веспасиана историк Светоний рассказывает, что на смертном одре он сказал в шутку: «Похоже на то, что я становлюсь богом» (то есть уми-

раю). Даже жены императоров удостаивались приема в сонм богов, как, например, Ливия, жена Августа, Фаустина, жена Антонина, или Друзилла, жена Калигулы. Для обоснования обожествления этой последней сенатор Ливий Геминий присягнул, что сам видел, как Друзилла поднялась на небо и беседовала с богами.

В культе императора отразились объединительные тенденции империи. Все уравнивавшая власть императора на земле и на небе не оставляла места героям; напротив, всякого рода местные культы стремились слиться воедино, смешаться в одну всеобъемлющую религию.

Но одновременно множились и разного рода, преимущественно мистериальные, культы, которые стремились стать ближе к верующему, отразить его классовые и национальные чаяния и интересы. Герои не отвечали уже ни требованиям универсализма, ни религиозным настроениям мест, утративших политическую самостоятельность и переставших играть сколько-нибудь заметную роль в общественной жизни. Герои поэтому выродились в малоизвестных, лишенных общественного культа божков, пользовавшихся почитанием лишь в узком кругу хранителей древних традиций. Условия для воссоздания в новом блеске культа низших богов, но уже в иной форме — святых и мучеников, вновь появились, уже только в недрах христианства.

То, что культ мучеников, святых и ангелов ничем в сущности не отличается от язычества, понимали и некоторые отцы церкви и представители духовенства. В IV веке Вигиланций и аскет Иовиниан выступили в защиту идеи единобожия и против почитания низших богов. Но блаженный Иероним дал им резкую отповедь, защищая в интересах церкви языческие верования, которые церковь использовала для укрепления и расширения своего влияния на массы. Философ Порфирий, написавший большой труд — в 15 книгах — против христиан, совершенно резонно пишет, что между языческим почитанием богов и христианским почитанием ангелов разница только в названии. «Называйте их богами или ангелами — имена вообще роли не играют; ведь называется же, например, одна и та же богиня Афиной и Минервой, а у египтян и сирийцев она носит еще и другие имена; так что это различия не составляет, раз их божественная природа признана вами у Матфея — XXII, 29—31».

МУЧЕНИЧЕСТВО И ГОНЕНИЯ КАК БОГОСЛОВСКАЯ СПЕКУЛЯЦИЯ

Церковники уже в III веке пытались установить принципиальную разницу между культом мучеников и культом языческих богов. Мучеников почитают якобы за их ревностное служение христианской вере, за героическую их смерть и видят в них лишь заступников пред престолом всевышнего. Мы видели уже выше, что заступничество за людей перед высшими богами — одна из функций также греческих героев. Еще философ Платон в IV веке до нашей эры писал, что всякое демоническое существо — среднее между богом и смертным; оно выступает как посредник, возносящий к богам людские молитвы и жертвы и передающий людям веления богов. Поэт Катулл пишет о благоприятном ветре как результате ходатайства и просьбы героев Кастора и Поллукса. Этим же героям воздвиг алтарь некий Артемидор, посвятив его «божественным спасителям диоскурам, вымаливающим помощь у богов». Как племенные и местные герои — заступники за свой город и племя, так и обожествленный царь — заступник за всех людей — таков смысл стихов, которые поэт Феокрит посвящает постройке храма Птолемеем Филадельфом в честь его умерших родителей.

Но заступничество, как известно, не единственная и не главная функция мучеников и святых, а их почитание ничем не отличается от почитания других христианских и нехристианских богов; им также воздвигают храмы, возносят молитвы, жертвы и курения, зажигают перед ними свечи и лампы, поклоняются их статуям и изображениям.

Столь же несерьезно утверждение церковников, будто мучеников почитают за то, что они получили высшее крещение кровью и удостоились высшей благодати, стали приближенными к богу. Дело в том, что самый факт гонений на христиан, будто бы имевших место в древнем Риме и создавших целые легионы мучеников, нуждается в серьезных поправках. Большинство гонений *вымышлено*, а характер гонений, действительно имевших место, *извращен* церковниками.

Церковная традиция начинает счет гонений с правления императора Нерона. При этом ссылаются на рим-

ского историка начала II века Тацита, который сообщает о жестокой расправе с христианами. Нерон обвинил христиан в поджоге Рима и отдал их массами на растерзание зверям, превратил их в живые факелы и т. п. Однако, как это показал беспристрастный анализ текста, этот рассказ у Тацита представляет собой позднейшую вставку. Благочестивые монахи, которые уничтожали всю литературу, порочащую так или иначе церковные догматы и церковные традиции, нисколько не стеснялись вставлять в переписываемые рукописи древних авторов фразы или целые главы, якобы подтверждающие достоверность евангельских мифов. Благочестивые подлоги на пользу церкви и ее главарей вообще практиковались как система. Римские папы в течение многих веков основывали свое право на светскую власть на явно подложных лжеисидоровых декретах, «даровании Константина» и т. п. А «исправление» того или иного текста по усмотрению переписчика было делом обычным: вставки, или интерполяции, иногда делались даже только из соображения стиля в зависимости от вкусов переписчиков. То, что сообщение Тацита о гонениях на христиан при Нероне — интерполяция, доказывается, между прочим, тем, что древние отцы церкви нигде не цитируют этого места и не ссылаются на него; а ведь здесь содержался такой благодарный материал для христианской проповеди.

Далее, в евангелиях, написанных в первой половине II века, нигде нет и намек на какие бы то ни было гонения со стороны римской власти. В «Деяниях апостолов» рассказывается о побиении камнями мифического первоученика Стефана; но «Деяния» приписывают эту казнь решению не римского суда, а еврейского синедриона.

С точки зрения религии христиане в глазах римлян не отличались от иудеев. Но гонений на евреев за веру история Рима не знает. Гонения, и жестокие, на евреев были, но не за веру; до середины II века не прекращались восстания иудеев против римского владычества. Эти восстания подавлялись самым жестоким образом и влекли за собой суровую расправу с участниками мятежа и карательные экспедиции против их приверженцев. Но принадлежность к иудейской вере не каралась. Да и по условиям того времени кары за религиозные убеждения или за отправление местного культа были немислимы. Обширная Римская империя была наводнена многочис-

ленными восточными культами. Их приверженцы не только свободно исповедовали свою «варварскую» веру, но и широко ее пропагандировали. Новые чужеземные боги проникли в аристократический мир официальных римских богов и в значительной мере изменили их природу. То был период синкретизма, смешения различного рода верований и культов, а это плохо вяжется с религиозной нетерпимостью. Как это установил еще Гарнак, сама по себе принадлежность к христианской вере не была наказуема. Конфликт между государством и христианами возможен был лишь на почве культа императора. Принесение жертвы гению императора считалось формальным выражением политической благонадежности, но христиане не всегда соглашались подчиняться этому требованию, когда оно им предъявлялось; а предъявлялось оно лишь в том случае, если благонадежность христианина внушала сомнения. Но и в этом случае имперские чиновники удовлетворялись внешним, формальным исполнением обряда и выдавали соответствующее удостоверение, даже если христианин совершал «богомерзкий» обряд из-под палки. Многие христиане получали такое удостоверение за взятку, не совершая обряда; их называли *libellatici* (билетчики). По свидетельству Тертуллиана, христианские общины соответствующими взносами гуртом откупались от неудобного для них требования воздать божеские почести императору. Чиновники сами помогали христианам выходить из затруднительного положения. Проконсул Цинций Север, по словам Тертуллиана, «сам указывал христианам, как им надо отвечать, чтобы их освободили от наказания».

Таким образом, если христиан, как таковых, привлекали к ответственности, то причиной тому было государственное преступление — оскорбление величества, отказ от военной службы, принадлежность к нелегальной организации. Притом, судя по сообщению того же Тертуллиана, отношение к арестованным христианам было хорошее: в тюрьму допускались обильные передачи, частые и многочисленные свидания. Древнейшие жития и другая церковная литература говорят о том, что в ожидании суда и казни будущие мученики в тюрьме занимались обсуждением дел местной общины и церкви, устраивали официальные заседания и совещания, изда-

вали «декреты мучеников», сносились с иногородними общинами, рассылали гонцов и эмиссаров, снабженных официальными полномочиями и рекомендациями, заменяли бежавшего епископа. Сорок мучеников разослали циркулярное послание «ко всем святым епископам и пресвитерам, дьяконам и исповедникам и прочим мужам церкви в каждом городе и в деревне». Лионские мученики имели возможность командировать своего пресвитера Иринея в Рим для занятия там должности пресвитера. К арестованным являлись дьяконы, которые по поручению клира должны были заботиться об их содержании; а пресвитеры приходили в тюрьму причащать арестованных. Все это не вяжется с гонением на христианскую веру, как таковую. Очевидно, власти относились терпимо не только к убеждениям христиан, но и к отправлению христианского культа, поскольку их действия носили чисто религиозный характер и не возбуждали сомнений в лояльности того или иного христианина или христианской общины по отношению к империи, цезарю и господствующей в данное время политической партии и группировке. Судьи делали все возможное, чтобы побудить упорствующего христианина исполнить необходимую формальность и спасти свою жизнь.

Не удивительно поэтому, что, по словам отца церкви Оригена (III век), число мучеников было невелико и их легко сосчитать, а сами гонения, по его сообщению, ни разу не имели всеобщего характера. Настоящие гонения на христиан произошли во второй половине III века и в начале IV века. Но эти гонения были выражением политической борьбы между терявшей почву под ногами римской аристократией и народившейся новой провинциальной христианской знатью. В этой борьбе христианские общины и возглавлявшие их епископы составляли солидную силу, которую императоры пытались сломить, но кончили тем, что обратили ее себе на службу.

В римском календаре 352 года отмечено всего 22 дня, посвященных памяти мучеников, с указанием кладбища, на котором совершается празднество в честь святого.

Как бы то ни было, культ мучеников имеет мало общего с фактами действительного мученичества: среди бесконечного множества житий мучеников подлинно исторические насчитываются единицами. Весьма осторожный ученый, боящийся навлечь на себя обвинение в свободо-

мысли и преклоняющийся перед авторитетом Гарнака, Иоанн Геффкен вынужден робко признать, что жития святых мучеников прежде всего литература. «Кто изучал манеру древних писать историю, постепенно научается различать между тем, что действительно некогда совершилось, и тем, во что оно превратилось, часто ненамеренно, под влиянием литературных навыков». Такие, казалось бы, достоверные жития, как житие Аполлония, Перпетуи и Фелицитаты или Максима,— чисто поэтические произведения, где протоколы допроса противоречат римскому уголовному процессу и здравому смыслу. Даже ссылки на подлинные документы иногда только подтверждают фальсификацию фактов. В житии Тараха, Проба и Андроника автор заявляет, что он за мзду в 200 динаров списал протокол процесса у некоего Себаста, участника процесса. При публичном характере ведения дела это было совершенно лишнее, но автор следовал литературной традиции, которая в жизнеописании даже вымышленного героя ссылается на добытый с особыми трудностями и при исключительных обстоятельствах документ. И в наше время писатели применяют этот прием, ведя свой рассказ от лица автора якобы найденного дневника или мемуаров. Совершенно естественно, что христиане II и III веков в своих писаниях использовали литературные приемы греческих авторов.

В частности, для создания житий христианские благочестивые фальсификаторы имели готовый материал в древнегреческой и римской литературе о мучениках-философах. Образ Сократа, мужественно умирающего за свои убеждения, несомненно, повлиял и на житийную литературу. Большой популярностью пользовалось житие Анаксарха, замученного тираном Никокреонтом. Тиран велел ему вырезать язык, но Анаксарх сам откусил себе язык и выплюнул его в лицо тирану. Мученическую смерть претерпели стоик Фразеа Пет и его товарищи. Сенека и Эпиктет рисовали образ стойкого философа, который перед лицом тирана отстаивает свои убеждения, невзирая на страдания, пытки и грозящую ему смерть. Сенека прямо предвосхищает те речи, которые влагаются впоследствии в уста христианских мучеников: «Что ты мне показываешь мечи и костры и толпу палачей вокруг тебя? Убери всю эту мишуру, под которую ты скрываешься и которою ты устрашаешь глупцов: ты лишь

смерть, которую презрел и мой раб недавно и моя служанка. Что значат эти орудия пытки, предназначенные для вырывания каждого члена в отдельности, и тысячи других инструментов для растерзания человека на части?» и т. д. В том же духе пишет и Эпиктет: несмотря на все свое могущество, тиран, в сущности, бессилён поколебать мужество и убеждения истинного философа. «Он может меня, конечно, обезглавить, но в этом случае он вредит мне не больше, чем злокачественная лихорадка, длинные мечи палачей не хуже, чем жестокая болезнь или случайно сорвавшийся с крыши кирпич. Нечего бояться цепей самодержца; деспот может овладеть только моим телом». То же говорил за шесть веков до того Сократ: «Анит и Мелет могут меня убить, но они не могут мне повредить».

Самый термин «мученик», обозначающий «свидетель крови», «свидетель славы божией» (по-гречески «*martyr*» означает, собственно, «свидетель», значение «мученика» было присвоено этому термину в богословской литературе), уже существует у греческих писателей-философов в том же значении, что и позднее у христиан, откуда он перешел не только в житийную, но и в евангельскую литературу; так, в Апокалипсисе, II, 13, говорится об умерщвленном «свидетеле» (по-гречески *martyr*) Антипе; XVII, 3: «жена была упоена кровью святых и кровью свидетелей» (по-гречески *martyron*). В том же смысле у Эпиктета философ — «свидетель, призванный от бога». Совсем как в христианском житии, философ Гельвидий Приск пререкается с Цезарем: «Если ты заговоришь, я убью тебя.— А когда я тебе говорил, что я бессмертен? Ты сделаешь свое дело, я — свое; твоё дело — убить, моё — умереть бесстрашно».

Зевс, или отвлеченный бог стойков, имел своих «свидетелей», которые послужили прообразом для христианских мучеников, а греческие литературные образы мучеников идеи послужили образцом для *житий* мучеников. Образцовое житие языческого святого мученика мы имеем в жизнеописании Аполлония Тианского, написанном софистом Филостратом. Если поместить это жизнеописание в Четьи-Минеи, изменив только языческие имена богов, благочестивый христианин не заметит подмены.

Греческие образцы легли в основу еврейского предания (во II книге Маккавеев) о мученической смерти

Маккавеев — Соломонии и ее семи сыновей, почитаемых и христианской церковью. Это житие полностью повторяется в житии Фелицитаты и ее семерых сыновей: Януария, Феликса, Филиппа, Сильвана, Александра, Виталия и Марциала, павших якобы жертвой мифических гонений при Траяне. Как и мать Маккавеев, мать-христианка поощряет детей на подвиг и муки во славу Божию. Префект Публий взывает к ее материнскому состраданию, но она отвечает в духе стоической философии: «Твои угрозы меня не страшат, ибо дух Божий во мне дает мне уверенность, что я одержу над тобою победу при жизни, а еще более после смерти». Всех сыновей подвергают мучительной казни одного за другим на глазах у матери, которая умирает последней.

Наконец, и чудеса, которыми сопровождаются казни мучеников, не представляют собой чего-либо специфически нового в христианской житийной литературе — они встречаются и в греческой и еврейской литературе.

Таким образом, как исторические данные о гонениях, так и характер житийной литературы показывают, что культ мучеников не был, вопреки утверждениям богословов, проявлением любви, преданности, благодарности и преклонения первохристианских общин перед героями, своею кровью запечатлевшими союз с Богом и утвердившими его славу. Мы имеем здесь дело в основном с богословской спекуляцией, которая при помощи литературной фикции, возведшей в систему отдельные частные случаи казни христиан — мятежников или фанатиков, старалась укрепить влияние церкви. При этом использовались примитивные представления о загробной жизни, сохраняющиеся и ныне, культ мертвых и культ предков. Герои — покровители городской общины были заменены мучениками, пострадавшими за христианскую общину; культ, воздававшийся ранее манам, душам умерших отцов, стал воздаваться духам отцов церкви и пастырей общины верующих. Это подтверждается и тем, что культ мучеников укреплялся вместе с ростом и укреплением самой церкви и что с прекращением гонений после Миланского эдикта (311 год) мифотворчество, создание новых мучеников, не прекратилось, а усилилось и были открыты новые источники создания христианских богов-святых — монахи, «просветители», епископы.

Культ мучеников находился под контролем епископов. Они устанавливали, кто достоин включения в святцы. Иногда они даже при этом сводили личные счета. Так, Ипполит пытался лишить звания мученика своего противника, епископа римского Каллиста. От епископа зависел выбор мученика, составление акта о его деяниях и внесение его в календарь. При этом епископы руководствовались, конечно, интересами церковной власти и клира, а также своими личными интересами. Поэтому мученик, значащийся в иеронимовом мартирологе, не значился в римском, а римский — в карфагенском. В частности, избегали канонизировать военных, чтобы не создавать конфликта на этой почве с властями. Само собой разумеется, принадлежность к враждебной клиру группировке исключала возможность включения того или иного мученика в святцы.

Жития мучеников иногда служили для подтверждения того или иного религиозного догмата. Так, в житии Перпетуи рассказывается о видении мученицы: она увидела Иисуса в одежде пастуха, окруженного стадом овец; Иисус протянул ей кусок сыру, приготовленного из молока, которое он сам надоил. То была небесная евхаристия. Этот эпизод придуман для того, чтобы небесным авторитетом подтвердить обычай монтанистов причащаться сыром (Перпетуя была монтанисткой).

Канонизируя того или иного мученика или подвижника, церковь вовсе не считалась с его действительными заслугами и с его историчностью; Юстин Философ — апологет и мученик занимает второстепенное место, а мифический Николай Мирликийский или Илья Пророк достигли ранга богов. Мало кто слышал о мученике Дазии, личность которого как будто не внушает сомнений; зато сказочная фигура Георгия Победоносца затмила даже самого господя бога своим блеском.

Христиане создали своих святых так же, как и своих богов; подлинно исторические мученичества послужили лишь толчком для мифотворчества. Авторы житий, не стесняясь, черпали материал для житий где угодно — в ветхозаветных сказаниях, в евангельских мифах, в греческой занимательной литературе, в народных сказках и в собственной фантазии.

КАК ПОПОЛНЯЛИСЬ КАДРЫ МУЧЕНИКОВ

Но если те гонения и мученичество, о которых рассказывают церковники, в действительности лишь благочестивые измышления, то откуда же взялись мученики и их жития? Как показано будет в дальнейшем, культ мучеников и святых играл определенную социальную роль в интересах господствующих классов внутри христианства. Церковь поэтому предъявляла все возрастающий спрос на мучеников; и спрос рождал предложение. Мученики стали фабриковаться в массовом масштабе по самым нелепым и курьезным признакам.

Большое количество мучеников обязано своим существованием тому незначительному обстоятельству, что «мученик» по-латыни — «martyr», и потому все надгробные надписи, где встречается инициал «М», толковались как надпись на могиле мученика. Но буква «М» часто встречается на римских могилах; она обозначает иногда *manes* (души предков), иногда *mensis* (месяц), иногда *memoria* (память), иногда *milliarium* (милая); отсюда ряд новых мучеников, для которых были созданы жития с перечислением их подвигов и подробным описанием мученической смерти.

Одиннадцатимесячный мальчик Элий, на гробнице которого было указано «М. XI» (то есть 11 месяцев от роду), превратился в 11 мучеников во главе с Элием. Обычная надпись «DMS» — «dis manibus sacrum» (посвящено божественным манам) толковалась церковниками как *divis martyribus sanctissimis* (божественным мученикам пресветлым) или *deo maximo sacrum* (посвящается величайшему богу). «ВМ», что по-латыни обозначало *bonae memoriae* (доброй памяти), переводилось *beati martyres* (блаженные мученики). Верстовой столб, поставленный на 83-й миле, с надписью «LXXXIII mil» был понят как «надгробный памятник над братской могилой 83-х солдат (по-латыни *milites*) мучеников».

Интересный случай произошел в XVII веке. Папа Урбан VIII заинтересовался происхождением святого Виара. Расследование обнаружило, что культ этого святого основан на надписи на могильной плите какого-то *praefectus viagum* (некто вроде начальника дистанции). Но некоторые буквы надписи стерлись, и отчетливо сохранилось только «...s viag...». Этого оказалось достаточным для

создания культа святого Виара. Но и после расследования святого Виара продолжают призывать в молитвах как целителя.

В житиях святых встречаются сорок святых Сильванов. Такое обилие их объясняется тем, что в эпоху империи пользовался популярностью культ сельского бога Сильвана («лесного»), которого титуловали святым (*sacrus*) или святейшим (*sanctissimus*). Этому Сильвану часто воздвигали по обету памятники и стелы с надписью «святому Сильвану». Таких надписей сохранилось множество, и они-то и дали повод к созданию христианских святых Сильванов.

Интересна судьба знаменитой надгробной надписи Аверкия, имеющей большое значение для истории религии. В этой длинной надписи Аверкий именуется учеником «святого пастыря, который пасет стадо овец на горах и в равнине». На этом основании в Аверкии признали христианского епископа, возвели его в святые и сфабриковали подробное житие его. Но как показали исследования, в частности А. Дитериха и С. Рейнака, Аверкий если и был епископом, то не христианином; он был, по всем данным, жрецом Аттиса.

Надпись на могиле девицы, аттестующая ее как «*digna*» и «*emerita*» (достойная и заслуженная), привела к обогащению святцев новыми святыми — сестрами Дигной и Эмеритой.

В 1802 году в катакомбах была обнаружена могила, для которой памятник был сделан из старых, бывших уже в употреблении плит, сохранивших следы первоначальных надписей. Чтобы не вводить в заблуждение публику, рабочие при кладке могилы нарочно расположили камни таким образом, чтобы не получилось связной фразы: вместо «*рах тесит, Филумена*» (мир с тобою, Филумена) — «*lumena рах тесит Fi*». Однако монахи переставили камни и заявили, что в катакомбах, где, как известно, хоронили не только христиан, найдено тело мученицы Филумены. Было создано житие, в котором сообщалось, как дева Мария явилась к ней в темницу, чтобы поддержать ее веру, как ангелы утешали ее после того, как она подверглась бичеванию; ее бросают в реку, но ангелы ее подхватывают; ее сердце пронзают стрелами, но они не причиняют ей вреда; наконец ей отрубает голову. Филумена являлась, как это бывает при канонизации святых, целому

ряду лиц, подтвердив свой ангельский чин. В честь Филумены было сочинено торжественное богослужение, стали продавать ее реликвии, сотни тысяч паломников удостаивались чудесных милостей господних в ее часовне... Но дело происходило в XIX веке и вызвало много шума. Чтобы потушить скандал, католические попы попытались бить отбой, изъять святую из обращения. Разгоревшаяся на этой почве внутрицерковная борьба закончилась тем, что 3 апреля 1906 года кардинал — викарий папы Пия X окончательно утвердил культ Филумены — девы-мученицы.

Иоанн Златоуст в одной из своих проповедей назвал мучеников Ювентина и Максима ксиноридой (по-гречески упряжка, пара). Комиссия по пополнению и пересмотру мартиролога при папе Григории XIII в 1580 году приняла слово «ксинорида» за собственное имя и внесла его в святцы под именем «святой девы и мученицы Ксинориды Антиохийской» (24 января).

Конечно, такого рода грубые ошибки и фальсификации для ученых монахов-болландистов не представляют тайны. Они сами разоблачают такие недепости, но только для того, чтобы укрепить веру в тех святых и мучеников, историчность которых не внушает подозрений неискушенному верующему. Но даже разоблаченные самими монахами, святые и мученики продолжают благополучно здравствовать, и культ их процветает.

Другим источником, питавшим агиографические легенды, была литература — еврейская, римская и греческая. Первым делом в число святых и мучеников были включены все патриархи и пророки, архангелы и ангелы, апостолы и отцы церкви. При этом воображение агиографов ничем не стеснялось. Одного намека в Апокалипсисе об умерщвлении Антипы было достаточно для измышления жития «священномученика Антипы, епископа пергамского», где приводятся, как это полагается по трафарету, его напыщенные обличительные речи и описывается его казнь: мифического епископа бросили в раскаленное чрево медного быка. Церковники даже установили точную дату этого никогда не происходившего события — 92 год, а Антипе присвоена специальность — зубные болезни.

Точно так же подробно описывается в житиях жизнь и смерть всех 12 и 70 апостолов. О Варфоломее, например

(он же Нафанаил), рассказывается ряд чудес, которыми сопровождалась его казнь: после первого распятия этого апостола якобы началось землетрясение и испугавшиеся власти освободили святого. Во второй раз его распяли головой вниз (причем он не переставал проповедовать христианское учение), после этого с него живого содрали кожу, а уж затем отсекли голову.

Как мало стеснялись в толковании литературных источников при создании мифов о святых, показывает комический случай со святым Альманахом. Простодушный монах принял слово «альманах» за имя человека, сочинил ему житие и приурочил празднование новоявленного святого к 1 января. Позже это неудобное имя несколько сократили, превратив его в святого Альмаха, который якобы в праздник сатурналий обличал христиан, призывая их праздновать не языческие торжества, а день господень. По-видимому, святой Альмах был призван заменить собой языческого Януса, от которого христиане упорно не хотели отказываться. Пусть Альманах, только бы не Янус, решили, надо полагать, мудрые отцы.

Всем известна трогательная история святых Варлаама и Иоасафа, о которых у нас и поныне слепцы распевают духовные стихи. У индийского царя родился необыкновенно прекрасный сын Иоасаф, которому астрологи предсказывали славу на поприще религии, но религии чужой и преследуемой. Испуганный царь поспешил изолировать своего сына от мирского зла, поместив его в прекрасном замке, где его окружали лишь прекрасные цветущие юноши, где кругом все было исполнено блеска и красоты. Молодой принц долго жил в блаженном неведении. Но однажды он вышел погулять за пределы замка и сразу окунулся в мир страдания и зла; он познал бедность и болезнь, старость и смерть. Подвернувшийся кстати пустыжник Варлаам обращает Иоасафа в христианство. Юноша оставляет царский трон и в рубище уходит в пустыню, где ведет жизнь подвижника, одолевая козни сатаны.

Эта романтическая история в течение многих веков считалась подлинным житием и служила лучшим образцом назидательного чтения, которым попы и поповствующие интеллигенты старались отвлечь верующих от суеты мирской. Но вот в середине XIX века, когда европейцы поближе познакомились с восточной литературой, обнаружилось, что приписываемое Иоанну Дамаскину житие

Варлаама и Иоасафа целиком списано с мифа о Будде. Даже самое имя Иоасаф — арабское обозначение Будды (Юасаф).

Не только восточные мифы о богах, но и обыкновенные сказки использовались авторами житий. В деяниях апостолов Андрея и Матфия рассказывается, как эти два искателя приключений попали в страну людоедов, где под влиянием чудотворного напитка они теряют облик человеческий. Их начинают откармливать на убой. Но Матфий не прикасается к еде, и это помогает спасению апостолов. Этот эпизод целиком заимствован из сказок «Тысячи и одной ночи» — из приключений знаменитого морехода Синдбада.

Известна сказка о льве, который отказался трогать отданного ему на растерзание Андрокла, узнав в нем того пустытника, который некогда вытащил у него занозу из лапы. Этот эпизод, встречающийся у Авла Геллия и у Плиния Старшего, вошел в житие святого Герасима.

Таковы источники, из которых агиография заимствует имена своих героев; в этом все возрастающем потоке мучеников, аскетов, подвижников, царей, епископов, удостоившихся причисления к богам, тонут весьма немногочисленные действительно пострадавшие христиане; и уж во всяком случае невозможно установить, кто из них пострадал за свои религиозные убеждения и кто за политические выступления или за уголовное преступление.

МАСТЕРСКАЯ АГИОГРАФА

Но получив тем или иным путем имя святого, агиограф должен еще облечь его плотью и кровью, создать его житие. В этом деле агиографы опять-таки не особенно обременяли свою фантазию, довольствуясь готовыми шаблонами. Французский ученый А. Мори в работе своей, вышедшей в 1843 году («Essai sur les légendes pieuses»), насчитал более 50 «общих мест», заимствованных авторами житий в «священном писании». Благовещение деве Марии о предстоящем рождении Иисуса повторяется в житиях святых Бернарда, Доминика, Альберта, Элоиза, Самсона, Бригитты, Клары, Стефана (венгерского), Ламберта, Романа, Евтихия; имеются даже иконы с изображением благовещения архангела матери Евтихия. Умножение хлебов встречается в житиях Иоанна Милостивого,

Коломбина, Аполлония, Клары, Ричарда и др. 10 раз встречается мотив Каны Галилейской. Николай успокаивает бурю, как Иисус. Бенедикт и Мартин оживляют умершего тем же приемом, что и пророк Елисей, а Франциск повторяет евангельскую сцену воскрешения Лазаря. Христина в печи огненной — подражание Анании, Мисаилу и Азарии. Армию Хлодвига ведет, как и Израиля в пустыне, огненный столб, а Карл, в битве с сарацинами, останавливает солнце, как Иисус Навин. Многократно повторяется евангельский мотив об иссохшей смоковнице, об умножении елея, хождении по водам, о вóроне, приносящем пустынноку пищу, и т. д.

Не брезговали агиографы и «внутренними заимствованиями». Житие Винцента Маделгорского скомбинировано из житий девяти других святых. Иногда просто брали готовое житие и приписывали его новому святому; так получались двойные жития: Мартина — Татьяны, Онисима — Алексея, Варвары — Ирины и т. д. Болландисты составили специальный каталог таких дубликатов. Наоборот, не спевшиеся между собой агиографы составили три разноречивых жития Козьмы и Демьяна. Согласно одному, они подвизались в Аравии и были обезглавлены при Диоклетиане. По другой версии, они римские святые, побитые камнями при императоре Карине. Третий вариант выдает их за сыновей Федота, умерших естественной смертью. Все три жития обращаются одновременно.

Ничего нет поэтому удивительного, что тело одного и того же святого имеет столь многочисленные мощи. Л. Лаланн дает в 1847 году такой перечень реликвий-дубликатов:

Имена святых	Целых трупов	Голов	Рук, ног и др.
Андрей	5	6	17
Анна	2	8	6
Антоний	4	1	2
Варвара	3	2	—
Василий	4	5	—
Бенедикт	3	4	—
Власий	1	5	8
Климент	3	5	—

Имена святых	Целых трупов	Голов	Рук, ног и др.
Доротея	6	—	—
Элоизий	2	3	5
Эразм	11	—	—
Стефан	4	8	13
Евстахий	2	3	—
Георгий	30	—	
Горгона	6	—	
Григорий Наз.	3	4	7
Вильгельм	7	10	
Елена	4	5	
Иларий	8	—	
Игнатий (тот самый, который был съеден львом)	3	6	14
Исаия Пророк	3		
Исидор	4	—	
Исидор Севильск.	3	7	
Яков мл.	4	10	12
Яков ст.	7	—	
Иоанн Креститель	10	—	11 ук. пальцев
Иоанн Златоуст	—	—	15
Иероним	2	4	63 пальца
Юлианна	20	26	
Лаврентий	2	—	
Лазарь	4	—	
Легер	5	10	12
Лука	8	9	
Луций	5	6	
Матфий	3	4	
Зенон	3	—	
Матфей	5	8	12
Панкратий	30	—	
Панталеон	6	—	
Павел	—	—	18
Филипп	3	8	12
Петр	16	—	
Петр (Доминик)	2	—	32 пальца
Севастьян	4	5	13

Имена святых	Целых трупоз	Голоз	Рук, ног и др.
Фекла	4	—	
Федора	4	6	
Симеон	4	5	9
Виктория	3	—	

С тех пор количество реликвий еще возросло, как возросло и число святых.

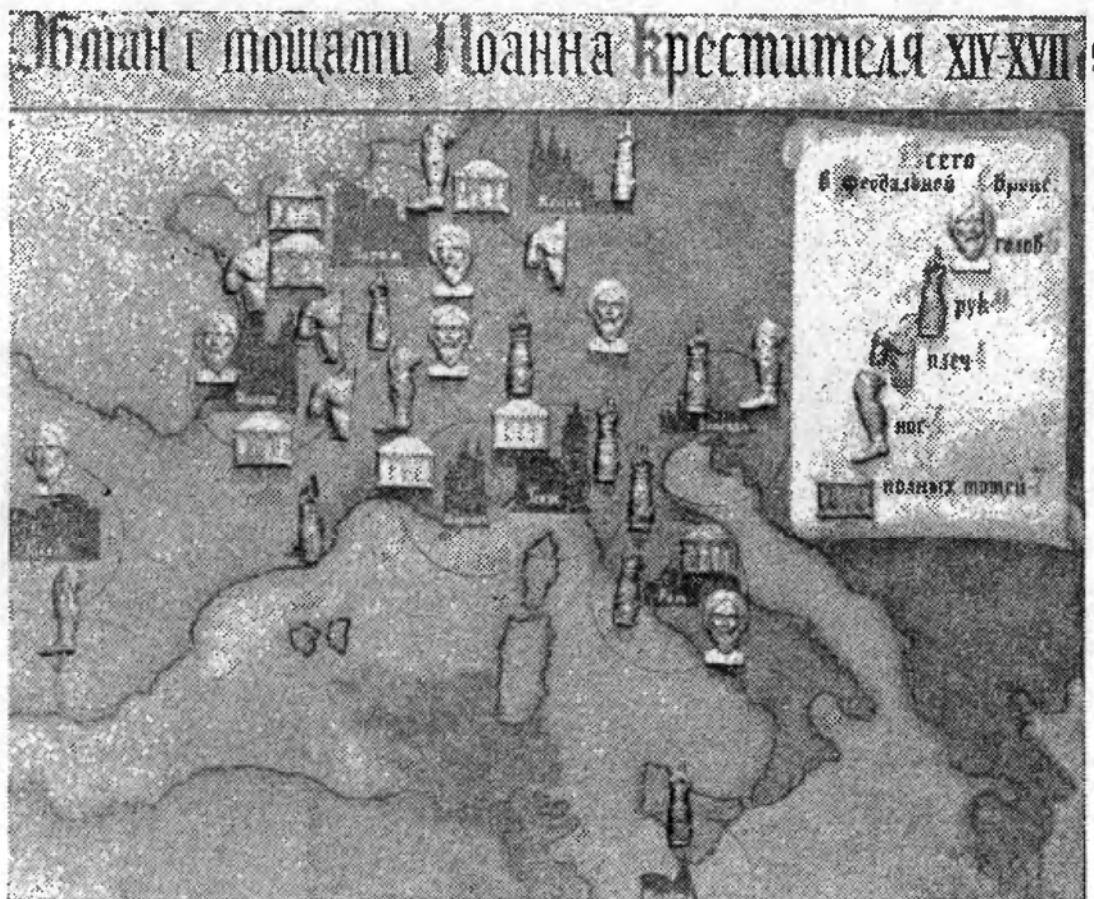
Манера письма и композиции житий также свидетельствуют о чисто литературном характере древних житий. Выше уже упоминалось о заимствовании у стоиков тех речей, которые обычно произносят мученики перед судьей. Тип языческого жития дан в жизнеописании Аполлония Тианского и в пародиях Лукиана. Классические работы Эрвина Роде и Р. Рейценштейна показали, что житийная литература продолжает традицию греческого романа. Да и в мелочах авторы житий следуют греческим образцам.

Оратор II века Элий Аристид, например, говорит: «Я не в состоянии рассказать о всех деяниях спасителя, которые я вкусил по сей день; я даже не приведу здесь гомеровского стиха «если бы десять у меня было языков, десять ртов» и т. д., ибо и этого мало. Но если бы я даже превзошел всю находящуюся в людях силу слова и мысли, я бы даже не приблизился к возможности передать все это». То же говорит и Софроний в своем словословии Киру и Иоанну: «Кто в состоянии рассказать о чудесах, совершенных этими святыми? Каким велеречивым устам возможно все изложить? Никто из людей на это не способен, даже если бы он имел десять языков и десять ртов, медное дыхание и неутомимый голос». В том же духе говорит и автор жития Козьмы и Демьяна: «Как можно рассказать о всех их чудесах? Взяться за это — значит измерить океан или сосчитать звезды».

Чтобы заинтересовать читателя, Иероним прибегает даже к вставке в житие эротической сцены в греческом жанре.

Займствуя из греческой литературы те или иные сказочные мотивы или отдельные эпизоды, агиографы иной

раз оказывают медвежью услугу своему святому, выдавая с головой его далеко не соответствующие христианскому учению подвиги. В 1902 году в «Записках историко-филологического факультета СПб университета» был опубликован на греческом языке «Рассказ Тимофея, архиепископа Александрийского о чудесах святого и слав-

Распространение культа Иоанна Крестителя
в Западной Европе в XIV—XVII вв.
(Макетизированная карта.)

ного мученика Мины». Чудо 5-е там гласит! «Был некий человек расслабленный с детства; он не мог ни ходить ногами, ни делать что-либо руками, и от врача, ни от какого бы то ни было другого человека не мог получить исцеления. Услыхав от многих людей о чудесах св. Мины, он попросил, и его туда доставили. Народ, увидев его, удивился (его немощи). Нашел он там женщину немую, никогда не говорившую. И оба там пребывали, прося об исцелении. Когда прошло время и он не выздоравливал, он возроптал на святого, говоря: «Как я вижу, о святой, все,

что я о тебе слышал,— ложь и неправда». В ту же ночь святой явился паралитику и сказал ему: «Что ты сердишься на меня, человеке? Ну, раз я, по твоим словам, не в состоянии тебя вылечить, то ты не излечишься вовек, если не сделаешь, что я тебе скажу»... И говорит ему святой: «Иди и незаметно для всех займи ложе немой и ложись с нею, и ты получишь исцеление». Проснувшись, паралитик удивился, думая, что святой шутит над ним или испытывает его, и сказал про себя: «Я не знаю, что мне делать; я пришел просить исцеления, а святой, по-видимому, толкает меня на прелюбодеяние... и если я так сделаю, то я боюсь, чтобы мне не стало хуже». Святой, вторично явившись ему, сказал: «Сделай то, что я тебе говорю». Паралитик рассердился и сказал святому: «Святой божий, не будучи в состоянии меня вылечить, ты побуждаешь меня предаться блуду? Такого-то учение святых? Или ты шутишь надо мною?» Но святой, снова явившись ему во сне, сказал: «Сделай то, что я тебе сказал, и ты получишь исцеление». Он же, проснувшись, сказал: «О, святой божий, я сделаю, как ты предписываешь и как приказывает бог и твоя помощь». Затем, пробравшись туда, где лежала немая, он выждал, пока заснул весь народ в храме, и, вставши и укрывшись от глаз, он занял ложе немой, приподнял ее плащ и обнажил ее. Немая проснулась и, охваченная страхом, заговорила: «Насилие! Какой-то мужчина на мне». Тот в страхе и смущении, желая убраться с постели и бежать, вскочил на ноги, как бодрый конь... И так оба ушли, хваля и славя бога и св. Мину».

Излечение больных путем полового сношения не очень, казалось бы, уместно в христианском житии святого. Но благочестивый архиепископ брал готовый материал, который к тому же не противоречил христианской практике. Ведь и самый прием ночевки в храме бога-целителя, чтобы получить от него во сне совет и помощь,— весьма древний обычай. Особенно знаменит был чудесными исцелениями во сне (инкубациями) храм греческого бога-героя Асклепия в Эпидавре. О чудесах в этом храме сохранились многочисленные предания. Сводятся они обычно к тому, что больной засыпает, во сне является ему Асклепий, дает ему лекарство или производит хирургическую операцию, и больной просыпается здоровым. Буквально такие же подвиги сообщаются в тех же выраже-

ниях и с теми же подробностями о христианских целителях — Козьме и Демьяне, Кире и Иоанне, Мине и др. Вот, например, отрывок из жития святого Элигия: «Некая женщина... немая и слепая, была некогда доставлена к могиле св. Элигия... Охваченная сонливостью, она отдалась сну. И вот, когда она спала, ей вдруг привиделось, что у ее ложа стоит св. Элигий; он ласково коснулся ее глаз, затем ножом или шилом слегка подрезал основание ее языка. После этого она проснулась здоровой... и вернулась в родное селение».

При таком обращении с материалом, при чисто условном бытии самих святых и мучеников, жития, естественно, все на один лад: все копируют одни и те же древние образцы и друг друга. Выработался определенный трафарет, который варьируется лишь в мелочах. Нет скучнее чтения, чем жития святых мучеников: непрерывно тасуются одни и те же захватанные и затасканные, к тому же крапленые карты. После мнимоисторического введения, где автор пытается дать «исторические» сведения о своем, часто вымышленном герое, он переходит к самому интересному — к допросу, пыткам и казни. Допрос ведет иногда сам виновник гонений — царь или проконсул или, чаще, исполнитель воли царской. Судья рисуется обычно суровым, не поддающимся убеждению. Сам мученик, в сущности, обезличен. Мученики на допросе отличаются друг от друга только именем, полом, возрастом. Они говорят одни и те же речи, ведут себя совершенно одинаково. Судья пытается убедить мученика принести жертву цезарю и отступить от веры; он обещает ему полцарства, он предлагает ему свою дочь в жены. Мученик с презрением отвергает земные блага. Судья переходит к угрозам. Но мученик раздражается в ответ речью, где он по всем правилам греческого ораторского искусства отстаивает свою веру, нападает на язычество, заявляет о своей готовности претерпеть муку. Между прочим, никакие обстоятельства не могут прекратить потока речи мученика; у церковного поэта Пруденция мученик Роман и после того, как у него вырвали язык, произносит речь, занимающую 410 стихов.

После речи мученика начинаются пытки. Здесь агиограф распоясывается вовсю. Но его фантазия ограничена; он лишь нагромождает все больше и больше всевозможных пыток, стараясь поразить воображение читателя ко-

личеством мучений. В житии Климента и Агафангела рассказывается, как Климента повесили и терзали железными когтями, рот и щеки разбили камнями; после этого его привязали к колесу и били палками, резали ножами; затем ему втыкали кинжалы в лицо, разбили ему челюсти и вырвали по одному все зубы, а ноги защемили в железные колодки. Потом обоих мучеников бичевали бычьими жилами, подвесив их к потолку; по их бедрам проводили пылающими факелами, затем их бросили на растерзание зверям. Далее им запускали под ногти раскаленные докрасна шипы; после этого их погребают под слоем негашеной извести, где они пребывают два дня. «А поутру они вновь улыбались...» Их извлекают из-под извести, вырезают ленты у них со спины и бьют по живому мясу палками. Далее их укладывают на железную кровать, нагретую до белого каления, и бросают их в огненную печь, где они пребывают один день и одну ночь. После этой огненной ванны их снова бьют по чреслам железными прутьями. Затем устанавливают подобие бороны с острыми зубцами и бросают на них героев. Агафангелу сверх того льют расплавленный свинец на голову; его волокут по городу с жерновом на шее и избивают камнями. Клименту протыкают уши раскаленными иглами и вновь бьют палкой. Десять дней подряд им дают ежедневно по 50 розог; наконец им обоим отрубает голову. Обычно «усекновением главы» пытки заканчиваются, но некоторые мученики ухитряются еще иногда продолжать действовать, держа в руках свою отрезанную голову.

Во все время пыток мученики не перестают проповедовать, не теряют спокойствия духа и даже веселого настроения. Они издеваются над судьей и над его бессилием, они выражают сочувствие палачам, уставшим от истязаний; они помогают палачам изобретать новые пытки, подсказывают им новые виды мучений. Весь секрет здесь не в особом мужестве мученика, а в его чудесной нечувствительности к пыткам. Правда, при такой постановке дела мученичество теряет всякий смысл, но агиографу хочется одновременно показать и мужество героя, и всемогущество бога, защищающего своего верного слугу от страданий и творящего чудеса. Мученик живет, пока бог этого хочет; до того момента, когда бог признает нужным прекратить эту комедию, все силы природы отказываются служить палачу: огонь и кипящая смола

не обжигают, кипяток не обваривает святого, камни его не ранят, вода не топит, звери не едят, яды не отравляют.

Все рекорды побил святой Георгий. Его пытки продолжались семь лет. К нему применялись самые замысловатые способы истязаний. Его изрубили мечами, положили на него колоссальные тяжести, вливали в него расплавленное олово, голову пробивали раскаленными гвоздями; его распилили на семь или десять частей и сварили эти куски в котле, в котором кипели смола и олово, вздымаясь волнами высотой в 15 локтей; его наполовину сожгли на костре и останки разрезали на девять частей. Но Георгий всякий раз вновь оживал.

Это бессилие палача перед «службой истинного бога» приводит судью в бешенство; он неистовствует, он назначает премию за изобретение новых пыток, он вызывает магов, посылает запросы императору, он сходит с ума, теряет сознание, кончает самоубийством. В конце концов мученика обезглавливают, вера торжествует, народ толпами обращается в христианство.

Таков трафарет, выработавшийся в IV—V веках; десятки тысяч житий перепевают эти мотивы, варьируя их на все лады. Действительные мученичества вряд ли нашли отражение в этих житиях. Не только форма и содержание житий, но и самые имена их героев, как мы видели, ничего общего не имеют с действительными фактами. Церкви нужно было не прославить того или иного исторического мученика, а дать в форме поучительного и занимательного чтения житие героя, пусть вымышленного, но способного укрепить авторитет церкви и пропагандировать христианство среди масс населения, оставшихся чуждыми новому учению. Именно потому подлинные жития мучеников, как, например, Юстина, не пользуются популярностью: они слишком прозаичны и не способны действовать на воображение.

В житиях и в тех якобы исторических документах, которые послужили для них источником, нигде не встречается никаких выражений скорби по поводу утраты общиной лучших и преданнейших сынов церкви; ни разу не упоминается о печали и горе, которые переживали родные и близкие потерпевших. Наоборот, в рассказе о мученичестве Монтана и Луки мать печалится по поводу того, что мученическая казнь ее сына отложена. Мать Марьяна радостно приветствует удар палача, отсекающего голову

ее сыну, и поздравляет себя с выпавшей на ее долю великой честью. А между тем автор жития Марьяна и Якова выдает себя за очевидца. Все это, конечно, фантазия агиографа, направленная к возвеличению культа мучеников в интересах церкви.

Взгляд на мученическую смерть как на торжество церкви формулировал в III веке епископ помещик Киприан, сам ставший впоследствии «мучеником». Узнав о жертвах гонений при Декии, он пишет: «Какое счастье для церкви, которую бог снисходительно освящает своей милостью и которую в наши дни кровь мучеников украшает столь великой славою. Уже раньше она достигла ослепительной белизны, благодаря делам добродетели наших братьев: ныне она сверкает ярким пурпуром крови мучеников». Эти чисто церковные идеи полностью проводятся и в житиях, претендующих на историчность.

Ученый — католический епископ Делегэ вынужден признать, что большинство житий — поучительные романы. Агиографы выдавали себя за очевидцев, учеников и последователей своего героя: так, Еврип — «ученик» Иоанна Крестителя, Пазикрат — «слуга» святого Георгия, Авгар — «секретарь» святого Федора, Афанасий — «стенографист» Екатерины, Нил — «товарищ» Федота, Евагрий — «ученик» Иннокентия и т. д. В сущности, вполне достоверным или почти достоверным можно, по мнению Делегэ, считать мученичество Юстина, Поликарпа, лионских и сцилитанских мучеников, Перпетуи, Фруктуоза, Киприана, Марьяна и Якова, Максимилиана, Маркелла и Касьяна.

Источниками для наиболее добросовестных агиографов служили устные предания и фантастические иконы и реликвии. Письменных источников не было. В IV веке Августин писал: «В то время как для других мучеников мы едва находим тексты их деяний, чтобы читать их в день, посвященный их имени, его мученичество (речь идет о «первомученике» Стефане) находится в канонической книге «Деяния апостолов». Такому отсутствию источников дается свое довольно оригинальное объяснение, которое должно служить возвеличению святого. Автор жития святого Винцентия говорит: «Для славы мученика Винцентия показательно уже то, что враг (то есть диавол) ненавидит (и уничтожил) писания о его мученичестве». Но в тех случаях, когда агиограф ссылается

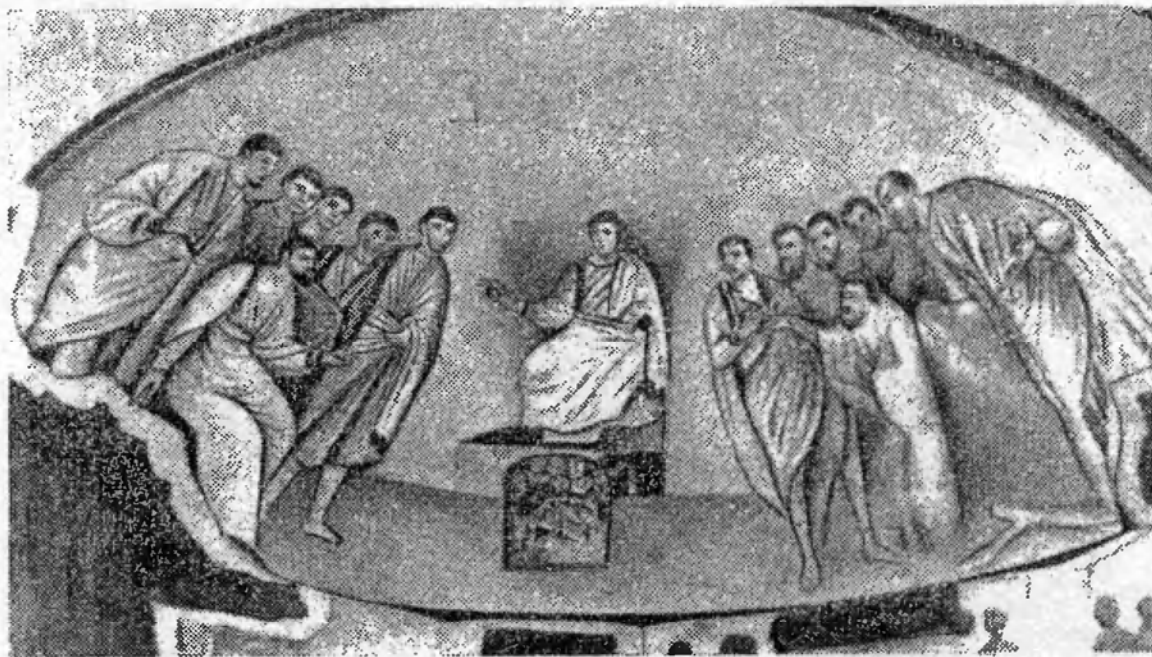
на официальные документы, не следует ему доверяться. «Нет ничего легче, чем подделать указ, особенно когда автор обращается к публике не очень требовательной к подробностям протокола».

КУЛЬТ СВЯТЫХ НА СЛУЖБЕ ЦЕРКВИ

Но если житийная литература — сплошь фикция, то культ святых — факт, который нуждается в объяснении. Сказочные жития разукрасили этот культ «во славу божию», но они его, конечно, не создали. Исследование литературного и исторического материала показывает, что та историческая основа, которую подводит под культ святых и мучеников богословие, ложна, что гонений христиан до конца II века не было, что гонения ни разу не принимали поголовного характера во всей империи, а преследования христиан не носили характера чисто религиозного преследования. Значит, вся религиозная литература о мучениках — благочестивый обман, сознательный или непреднамеренный, а форма и содержание житий заимствованы из древних литературных образцов и дополнены более или менее богатым воображением авторов. Происхождение культа мучеников и святых следует искать, следовательно, не там, где его находит богословие, а в реальной обстановке, в которой он сложился: его источники — в пережитках языческих культов, усвоенных новообращенными христианами, а его основание — в социальных условиях жизни христианских общин.

Христианский культ не возник, как это представляют богословы, сразу в виде откровения. Христиане долгое время оставались незначительной по своей численности сектой внутри иудейства, с которым их объединяли мессианские чаяния и эсхатология. Отсюда христиане позаимствовали и форму богослужения, и культ ангелов и архангелов, и демонологию, и праздники пасхи и пятидесятницы. В недрах уже христианской церкви заимствованные из иудейской религии элементы наполнились новым содержанием. Бог Саваоф ушел куда-то на задворки, а первое место фактически занял мессия — Иисус. Пасха превратилась в праздник воскресения, пятидесятница — в праздник троицы; ангелы обращены на службу Христу и его матери, а «священные» еврейские книги получили новое толкование, в мессианском духе.

Когда христианские кадры стали вербоваться из язычников, приверженцев разного рода мистернальных культов, обряды этих последних были усвоены и христианами. Египетский праздник богоявления, митранстский праздник рождества спасителя, церемонии оплакивания, погребения и воскресения бога, целый ряд мелочей культа —

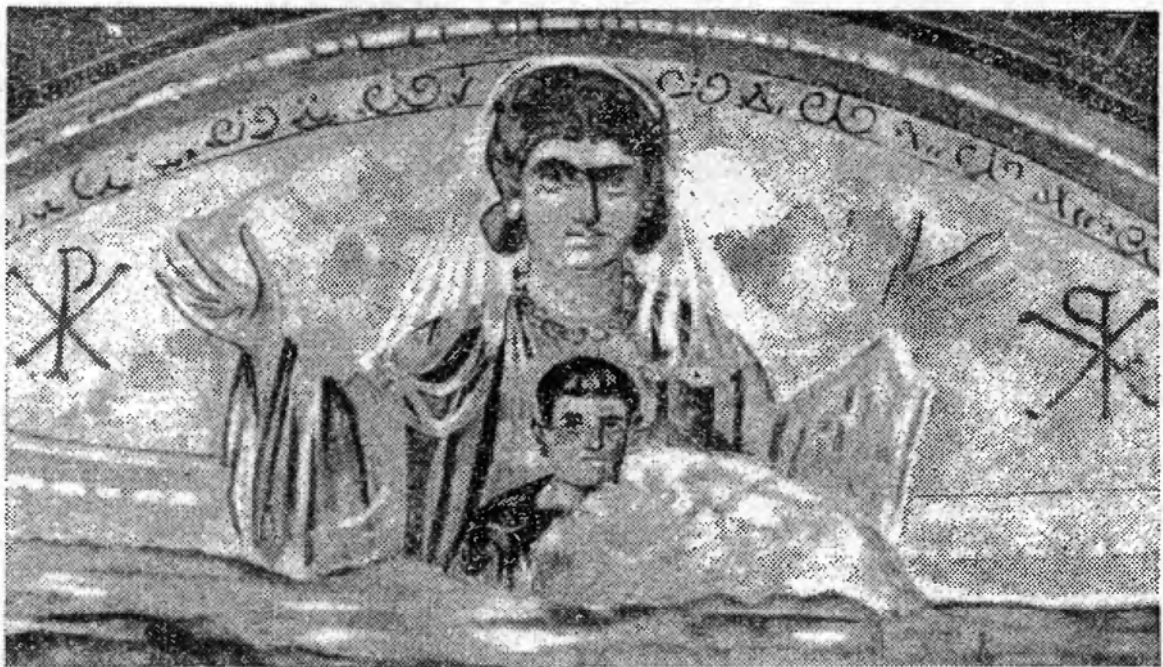
Раннехристианское изображение Христа в виде римского наместника, окруженного апостолами в одеждах римских чиновников.

В нем отражаются те изменения, которые произошли в представлениях христиан о своем учителе и его апостолах в результате проникновения в христианские общины представителей имущих классов.

(Раннехристианская фреска из катакомб.)

все это вошло в обиход христианской церкви, как ее «исконное» достояние. Почитатели девственных богинь и богородиц — Кибелы, Астарты, Афродиты, Деметры и др. — прибавили к христианской троице четвертую богиню — Марию, вскоре занявшую едва ли не первое место в культе. Было бы совершенно невероятно, чтобы новообращенные христиане, вступая в новую общину, отказывались от своих культовых навыков и традиций.

Во всех древних религиях прочно сохранился как пережиток первобытного анимизма культ мертвых, от которого не отказались и христиане. Маны, души умерших предков, продолжали получать то же поклонение в при-

Связь древних верований и христианства. Верхний рисунок: Древнегреческая богиня земледелия Деметра, изображавшаяся выходящей из земли со злаками в руках. (Древнегреческий барельеф.)

Нижний рисунок: Изображение христианской богородицы с младенцем как бы выходящей из земли показывает на связь культа богородицы с культом плодоносящей земли. (Раннехристианская фреска из катакомб церкви Агнессы в Риме.)

нявшей христианство семье, что и раньше, до ее обращения. Надпись «богам манам» продолжает встречаться на христианских гробницах еще тогда, когда христианская церковь стала господствующей. Да это нисколько и не противоречило ни политике, ни догме христианской церкви. Церковь боролась с языческими богами только потому, что они были ее конкурентами, но не потому, что она не разделяла тех же воззрений, что и язычники. По сообщению Сульпиция Севера, святой Мартин «больше всего считал враждебным Меркурия, Юпитера он называл грубым и косноязычным». Блаженный Августин в проповеди говорит: «Геркулес победил Кака, победил Льва, победил собаку Цербера; святой Фруктуоз победил весь мир; сравни этих двух мужей». Очевидно, для Августина Геркулес такой же бог, как и Фруктуоз, но пониже чином. Эллинско-римский бог Меркурий вошел даже в православные святцы, и память его чествуется 25 ноября, причем этот бог сохранил те же функции, что и на греческом Олимпе, — функции вестника богов. Византийский историк Малала рассказывает, что в ночь, когда был убит в бою император Юлиан Отступник, святой Василий видел во сне, как отверзлись небеса; Христос, сидя на своем троне, громко воззвал: «Меркурий, иди убей императора Юлиана, врага христиан». Святой Меркурий стоял перед богом со сверкающим мечом в руке. Получив приказание, он немедленно исчез и через некоторое время вернулся с докладом: «Император Юлиан, согласно твоему распоряжению, убит».

Карпократиане, по свидетельству Иринея, «украшают изображение Христа венками и выставляют их рядом с иконами светских философов — Пифагора, Платона, Аристотеля и др.; они соблюдают по отношению к ним и прочие языческие обряды». Августин рассказывает о некоей Марцеллине, которая «почитала изображение Иисуса, Павла, Гомера и Пифагора, поклоняясь им и вознося курения».

Церковь мало интересовалась на первых порах тем, как паства соблюдает ее догматы; ей гораздо важнее было завлечь новые массы в свою организацию. В 12 милях от Александрии, в Египте, в городе Менуфис, находился оракул Изиды, чтимый и христианами. Церковная проповедь не могла побороть приверженности населения к этой святыне. Тогда Кирилл Александрийский перенес

в храм Изиды мощи святых Кира и Иоанна; верующие, надо полагать, никакой разницы не ощутили и перенесли свои чувства обожания на Кира и Иоанна.

Августин признает, что церковь «не уничтожила известных объектов, известных обычаев, а посвятила их богу и святым. Если некоторые из них были искоренены, то для выражения энергичного протеста против заблуждений; если другие были освящены, то это делалось для пользы и торжества истины. Христиане меньше, чем кто бы то ни было, должны отвергать что-либо хорошее только потому, что оно принадлежит язычникам; хорошее, где бы оно ни встретилось, не принадлежит тому или другому, только бог — создатель и владеец всего. Поэтому продолжать хорошие обычаи, практиковавшиеся у идолопоклонников, сохранять предметы культа и здания, которыми они пользовались, не значит заимствовать у них, напротив, это значит отобрать у них то, что им не принадлежит, и вернуть истинному владельцу, богу, посвящая это ему непосредственно в его культе или косвенно, в культе святых».

Папа Григорий Великий послал через миссионера Мелитта такую инструкцию «просветителю» Англии Августину: «Скажи ему, чтобы он остерегался разрушать храмы идолов; надо только уничтожить идолов, затем приготовить святую воду, окропить ею храмы, воздвигнуть в них алтари и поместить там реликвии. Если храмы эти хорошо построены, необходимо, чтобы они перешли от культа демонов к служению истинному богу; ибо, поскольку народ увидит, что древние места поклонения сохраняются, он в силу привычки скорее будет расположен туда приходить молиться богу, оставив свои заблуждения. Далее, они, говорят, приносят в жертву быков: так пусть в день церковного праздника или в день того святого, чьи реликвии (находятся в храме), они раскинут свои хижины из ветвей вокруг церкви, но приносят жертву не дьяволу, а устроят христианскую трапезу во имя и в честь бога. Сохраняя для людей кое-что дающее им внешнюю радость, вы легко приведете их ко вкушению радости внутренней».

Результаты такой политики сказывались в смешении местных культов с христианским.

В VII веке Анастасий пишет: «Все, что было когда-то в Риме скверного, стало святым. Разве храмы ложных

богов не превратились в церкви, посвященные святым? Не превратился ли храм Аполлона в Ватикане в церковь апостолов, а храм Кастора и Поллукса на базарной площади в Риме — в церковь святых Козьмы и Демьяна? Разве Пантеон, который некогда был храмом всех идолов, не является теперь церковью девы и всех святых?»

При христианизации Бретани духовные власти предписывают не уничтожать местных бретонских праздников, а переносить их в церковную обстановку.

Характерный факт приводит святой Григорий Турский: «На территории Габалитанской (ныне Жеводан) находился холм под названием Гелан и при нем большое озеро. В определенное время года множество крестьян бросали в это озеро, как бы совершая жертвоприношения, холсты и ткани, применяемые для мужской одежды; некоторые бросали шерсть, многие также — изображения из сыра и воска... Они приносили туда напитки и пищу, закалывали животных и пировали в течение трех дней... Спустя много времени некий священник проповедовал толпе, чтобы она отказалась от этого... но тщетно... Тогда служитель бога по божественному вдохновению построил у самого берега озера базилику в честь блаженного Гилярия Пиктуанского и, поместив там реликвии святого, говорил там народу: не грешите, дети мои, против господина, ибо в озере нет никакой божественной силы... а чтите св. Гилярия, заместителя бога, чьи реликвии находятся здесь; он может быть вашим заступником перед богом, чтоб добиться для вас милосердия. Тогда эти люди, пораженные в сердце, обратились, и, оставив озеро, они стали приносить все, что они обычно туда бросали, в святую базилику. Таким образом они освободились от заблуждения, которым они были скованы».

В более общем виде ту же мысль высказывает Августин: «Язычники в дни своих богов устраивают праздники, заполненные обжорством и пьянством; от этих обычаев их не легко отучить. Поэтому наши отцы сочли за благо пойти им на уступки в этой их слабости и постановили, чтобы они вместо этих дней и праздников, от которых они отказывались, праздновали другие дни в честь святых мучеников, — правда, не столь безбожным образом, но в прежней манере».

Чтобы сделать замену незаметной, подбирали святого, имя которого напоминало бы упраздненное языческое божество. Надпись на церкви святой Мартины говорит, что святая «заняла этот храм, изгнав отсюда божество Марса». Превращенный в христианскую церковь храм Венеры в Верхней Бретани так прямо и назывался «церковь святой Венеры». В селении Вол, в Нижних Альпах, местным патроном считается святая Виктория. Случайно происхождение этого культа обнаружилось благодаря открытому там в 1897 году древнему жертвеннику римской богини Победы (по-латыни Виктория). Римское божество перешло в христианский культ под своим старым именем.

Все такого рода официальные распоряжения руководителей церкви только узаконяли существующую культовую практику. Здесь необходимо оговориться, что излюбленный термин «двоеверие», часто встречающийся в литературе, представляет собой, в сущности, богословское понятие, которым церковники хотели утвердить в глазах верующих свой моральный авторитет; христианское учение, мол, «глубокое», «возвышенное», «богодухновенное» и т. п.; а если «невежественная», «непросвещенная светом истины» паства сохранила в своей практике «элементы» верований «языческих», «грубых», то это зло, с которым церковь борется. Это рассуждение приводит в умиление верующих интеллигентов и является основой протестантского богословия, стремящегося «очистить» христианство от принесенных в него «толпою» язычества и магии. Фактически никакого двоеверия не существует в том смысле, как это удостоверяют богословы. Весь христианский культ создавался из элементов, имевшихся в окружающей среде, то есть из того же язычества и магии. Но тот языческий культ, который был усвоен христианством, стал считаться истинным, богом данным, в противоположность языческим обычаям и верованиям, которые почему-либо — чаще всего по мотивам политическим — не получили признания церкви. То, что сегодня было языческим, становилось завтра священным, и наоборот: в зависимости от изменчивости внутрицерковной борьбы вчерашний «богом установленный» канон объявлялся еретическим, языческим, бесовским. Следовательно, говорить о двоеверии как о сочетании христианских и языческих верований нельзя; есть канонические, церковью утвержденные, верования и обряды, и есть обряды, не удостоившиеся офи-

циального одобрения, но принципиально, конечно, от церковности не отличающиеся.

В отношении культа мертвых древняя языческая практика никогда не прекращалась. Анимистические воззрения древних о бессмертной душе, которая продолжает самостоятельно существовать после смерти человека, бродит вокруг могилы, интересуется судьбой оставшихся в живых родичей, помогает им в беде или, наоборот, мстит им за обиды, разделялись и разделяются христианским учением. Если церковь делала некоторые попытки бороться с культом мертвых, то больше всего из желания отгородиться от язычников; а когда опасность конкуренции со стороны языческих богов миновала, христианская церковь целиком усвоила древний культ мертвых и освятила его своим авторитетом.

Языческие дни поминовения — 3, 9 и 40-й день — приняты и христианской церковью, которая подвела под эти сроки библейское обоснование. Жертвоприношения мертвым были заменены раздачей милостыни, как это было принято и у римлян. Еще Трулльский собор в VI веке должен был принять специальное постановление о том, чтобы «никто не давал евхаристии телам умерших». Эльвирский собор в 306 году запрещает зажигать днем свечи на кладбищах (особый вид жертвы, происшедшей, вероятно, из жертвоприношения медом). Это запрещение, однако, мотивируется тем, что «не следует беспокоить души покойников». Тем самым собор подтверждает, что души покойников витают где-то около могилы. «Естественно», что души мертвых нуждаются в пище; и верующие собираются на кладбище и устраивают веселый пир совместно с душами покойников. Манихеец Фауст (Фаустин) упрекает христиан: «Вы умиловляете тени покойников вином и пирами». Августин пишет: «Я знаю, что многие весьма обильно пьют над мертвыми и, задавая пиры над погребенными, сами себя погребают, засчитывая свое обжорство и пьянство за религиозный обряд». Турский собор 567 года выступил против обычая приносить на могилы мертвых еду в день апостола Петра. О том же писал и Августин, утверждая, что лучшие христиане этого не делают. Однако мать Августина, Моника, приносила на могилы святых суп, хлеб и вино и выпивала бокал вина на могиле умершего, память коего она хотела почтить. В Милане она от этого обычая отказалась, но, по словам

Августина, вряд ли она бы на это пошла, «если бы ей запретил кто-либо другой, кого бы она не любила так, как Амвросия».

Как известно, эти обряды угощения покойников, обжорство на поминках, неизменная кутья и блины впоследствии получили санкцию православной церкви и соблюдаются всеми православными христианами, причем в нынешней Греции эти обычаи ни на йоту не отличаются от обрядности древней Эллады. Но в свое время церковь считала нужным с этим бороться; тогда это было двоеверие, а потом стало собственным достоянием церкви.

Обитающие где-то возле гроба души имеют связи с миром богов, да и сами по себе обладают чудесной силой помогать или вредить. Поэтому многочисленные надписи на древнехристианских могилах обращаются с просьбой к духам покойников о защите и заступничестве; при этом заслуги покойника не играют роли: всякий дух, даже если он жил в теле годовалого младенца или ночного вора, становится святым, то есть одаренным магической силой, и к нему возносятся молитвы. Интересна надпись на одной могиле в римских катакомбах: «Пусть твои святые маны внемлют нашим молитвам, чтобы мы всегда охотно читали псалмы». Здесь языческие маны уживаются рядом с христианскими псалмами.

Кульτ мертвых носил характер семейный: рядовой дух печется только о своих близких. Другое дело — дух выдающегося покойника, игравшего крупную роль в жизни; он и на том свете занимает соответствующее его рангу положение придворного господа бога. Он не просто дух, он герой. Те же представления, которые отразились в греческом культе героев, легли в основание культа мучеников и святых. «Если бы церковный обычай позволял это, мы бы называли их гораздо изящнее — героями», — говорит Августин. Кульτ этих христианских героев представлял собой дальнейшее развитие культа мертвых, и все его элементы и лежащие в основе его анимистические представления были даны в греко-римском культе героев.

КАНОНИЗАЦИЯ ЯЗЫЧЕСКИХ БОГОВ

Небесное царство рисовалось христианину по образу и подобию царства земного. Во главе империи стоит могущественный император, одаренный неограниченной,

почти неземной, властью, воплощенное божество. Он стоит настолько высоко над простыми смертными, что о непосредственном обращении к нему не может быть и мысли. Множество промежуточных инстанций отделяет рядового гражданина от личности цезаря, окруженного многочисленными царедворцами, евнухами, гвардейцами,

Небесное царство представлялось христианину по образу и подобию царства земного.

вольноотпущенниками и фаворитами-рабами. Ту же картину верующий переносит и на небо. Всемогущий бог, обитающий где-то далеко в небесных сферах,— слишком отвлеченное и далекое от земли существо, которому нет, пожалуй, дела до нужд и потребностей отдельного человека, а потребности эти слишком многообразны, чтобы одному богу за этим уследить, даже если у него есть и соправители в лице Христа, богородицы и других высших богов. Ведь и цезари не становились доступнее оттого, что у них были соправители. Поэтому монотеизм христианский был такой же фикцией, как и монотеизм иудейский, эллинский или египетский.

Боги-посредники, близкие по крови, сохранившие тесные связи со своими близкими на земле и вместе с тем пользующиеся влиянием при дворе небесного царя, были *христианам* — римлянам, грекам или египтянам так же нужны, как тем же римлянам, грекам, египтянам, не принявшим христианства. Принятие христианства означало отказ от языческих богов, но не отказ вообще от богов. А чем больше бюрократический характер принимало управление Римской империей, тем более укреплялось представление о бюрократии небесной. Как на земле власть фактически осуществляли проконсулы, префекты, податные чиновники, полицейские, городские сенаты и многочисленные мелкие чиновники, так и в царстве духов власть принадлежит архангелам, мученикам и святым, которых надо задобрить и привлечь на свою сторону, чтобы получить их помощь и содействие во всех мелочах повседневной жизни. В античной древности культ героев был гораздо ближе верующим и исполнялся ревностнее, чем культ олимпийских высших богов. Точно так же в христианской церкви главные боги пользуются формальным почетом, а настоящее почитание воздается святым, от которых ждут непосредственной помощи и личного участия.

Греческий культ героев на христианской почве изменил только имена, но не существо. Даже термин «святой» уже в греческой литературе применяется к богам и к их ближайшим служителям; а римляне называли духов покойников и героев святыми, что, как мы видели, послужило поводом к измышлению житий христианских святых, никогда не бывших христианами (например, святой Сильван).

Особенно прочно сохранились греческие традиции в культе святых целителей, которых Кайе насчитывает не меньше пятидесяти. Основной метод исцеления — во сне (так называемая инкубация) — практиковался часто в одном и том же храме языческим героем и христианским святым, причем господствовало убеждение, что инкубация, ночевка в храме, заставляет святого дать исцеление. Вообще на святого можно воздействовать просто насильем. В современной Италии, в Калабрии, если боги при засухе отказываются послать дождь, местному святому связывают ноги и уносят из города в загородную церковь, чтобы угрозой изгнания заставить его послать дождь.

Боги и святые-целители не могут, по мнению верующих, не помочь, если исполнен надлежащий обряд. Поэтому и «неверные» язычники могут получать исцеление в храме христианского святого; но при этом больной убежден, что исцелил его языческий бог Сарпедон, а не святая Фекла; Кастор и Поллукс, а не Козьма и Демьян; Изида, а не святые Кир и Иоанн.

В благодарность за исцеление христиане приносили своим богам разного рода дары по обету, как и язычники своим богам. В католических храмах можно видеть бесчисленные изображения глаз, рук, ног и других органов из воска и драгоценных металлов. Лукиан рассказывает, что некий Евкрат в благодарность за излечение от лихорадки позолотил грудь статуи генерала Пелиха. В монастыре Мегескилион, в Греции, находится статуя богородицы с позолоченной по такому же поводу рукой; она так и называется — «богородица-златоручица».

Статуи и иконы святых-целителей являются во сне болящим, как и статуи языческих героев. Козьма и Демьян явились больной женщине «в том виде, как они изображены». Вообще дух героя магически связан с его изображением, хотя его основная резиденция — при могиле или в храме, где хранятся его реликвии.

В 1497 году в Неаполе вспыхнула чума. В былое время неаполитанцы призывали бы на помощь специалиста по чуме — бога Аполлона. Но Аполлон был изгнан из мира христианских богов; папа Александр VI распорядился поэтому доставить в Неаполь из монастыря Монте Верджино статую святого Януария; монахи, однако, не захотели расстаться со своей святыней и заперли ворота перед посланцами Неаполя. Пришлось вызвать солдат, которые осадили монастырь, с боем взяли божественную «аптеку» и повезли в Неаполь.

При таком полном тождестве отношений к языческим и христианским героям-целителям очевидно, что достаточно было изменить имя героя, чтобы создать культ христианского святого. Знаменитое святилище Асклепия в Эгах стало родиной святых Козьмы и Демьяна, а там, где репутацию лучших целителей имели Диоскуры — Кастор и Поллукс, христианские святые «бессеребренники» заняли их место. При этом Козьма и Демьян переняли не только основную профессию Диоскуров — медицинскую практику, но их отхожий промысел — спасение на море.

Процесс превращения языческих богов и героев-целителей в христианских святых особенно ясно заметен в истории культа святых Кира и Иоанна. Житие этих святых написано в начале VII века патриархом константинопольским Софронием в благодарность за полученное от них исцеление глазной болезни. Житие это — обычный

Двенадцать трясовиц.

В древности люди представляли себе болезни в виде человеческих образов.

На рисунке отражена легенда о двенадцати сестрах-трясовицах — Ломихе, Огнихе, Горячихе, Желтихе и др., которые якобы вызывают лихорадку. Эти представления сохранились и в христианстве.

мифологический роман, преисполненный рассказов о необычайных чудесах, и не содержит ни зерна истины. Но к нему приложено краткое жизнеописание, по которому можно проследить все фазы возникновения культа Кира и Иоанна. Мы узнаем отсюда, что в Менуфисе, в Египте, на берегу моря возвышался храм богини Изиды, пользовавшийся необыкновенной славой. Сюда стекались тысячи

больных, получавших исцеление от великой матери-богини. Не только язычники, но и христиане чтили этот храм. Его популярность была такова, что даже епископ Феофил, беспощадно уничтожавший языческие капища, в том числе знаменитый храм Сераписа, не рискнул тронуть храм Изиды. Для борьбы с почитанием чудотворного святилища Изиды Феофил построил рядом с ним церковь во имя святых апостолов. Но эта мера не дала нужных епископу результатов: апостолы хоть и творили чудеса, но не были специалистами-целителями; к тому же они не были материально связаны с Менуфисом, и верующие христиане и не христиане сомневались, должно быть, в заинтересованности апостолов в благополучии и здравии жителей Менуфиса. Дело приняло другой оборот, когда епископ Кирилл распорядился перенести в церковь апостолов реликвии Кира и Иоанна. Правда, эти мученики никому не были известны; их кости были взяты из безвестной братской могилы, и ничего путного об их жизни и деяниях никто сказать не мог (предполагалось лишь, что один из них был аскетом, другой — солдатом), но здесь налицо были реликвии, нечто реальное, и пропаганда попов, подкрепленная силой власти церкви, возымела действие. Пациенты Изиды постепенно стали переходить к новым, модным целителям; были состряпаны многочисленные сказки о чудесных исцелениях в храме Кира и Иоанна, для большего эффекта была создана версия, что Кир при жизни был врачом; святилище Изиды постепенно утратило свою популярность, а Кир и Иоанн унаследовали ее медицинскую практику и стали великими чудотворцами-целителями.

Весьма поучительна с точки зрения возникновения легенд о святых история культа святой Пелагии. Некий агиограф, именующий себя дьяконом Яковом, составил в первой половине V века житие этой святой под названием «Раскаяние Пелагии Антиохийской». Здесь рассказывается, что балетная танцовщица Пелагия, которую население Антиохии называло Маргаритой («жемчужиной») за ее жемчужное ожерелье и невиданную красоту, случайно встретила с аскетом Нонном. Под влиянием его проповеди прекрасная блудница принимает крещение, отрекается от богатства и, переодевшись мужчиной, поступает в мужской монастырь на Масличной горе под именем Пелагия и умирает после нескольких лет затвор-

Святой Христофор — защитник от заразных болезней. В московском старообрядческом храме Покрова до сих пор висит икона св. Христофора с собачьей головой. Этот образ создан под влиянием изображений древнеегипетского бога Анубиса.

В Антиохии праздновали 17 июля память мученицы Марины (Марина — латинский перевод греческого имени

ничества и умерщвления плоти. Эта версия сказания о Пелагии была использована еще до Якова — Иоанном Златоустом.

Наряду с этим Амвросий приводит другую версию легенды о мученице Пелагее. Пятнадцатилетняя прекрасная девушка Пелагея осаждается отрядом солдат. Чтобы выиграть время, она говорит, что хочет надеть брачный наряд. Она действительно наряжается в лучшее платье, но, вместо того чтобы выйти к ожидающим ее солдатам, она бросается с крыши и умирает. Взбешенные солдаты бросаются на мать и сестер Пелагеи. Те, смело взявшись за руки, входят в заграждающий им дорогу бурный поток и умирают, предпочитая смерть бесчестью.

Третья версия — о Пелагее из Тарса сообщает, что она была дочерью знатных родителей. Сын цезаря пленился ее красотой, но она предпочла благочестивые речи епископа Клинона. При свидании с ним она принимает христианство, снимает с себя свои драгоценности и объявляет себя невестой небесного жениха. Разгневанный цезарь бросает ее в пасть раскаленного медного быка. Весьма сходно с этим житие другой святой, Анфусы («цветущей»), в Селевкии.

Пелагия — «морская»). Прекрасная дочь языческого жреца приняла христианство. Ее красота пленила царского сына, который требует ее возвращения в язычество. Марина упорствует и стойко переносит всевозможные пытки. В критические моменты голубь ее утешает и ободряет. В конце концов Марину казнят. Та же история, в которой фигурируют те же действующие лица и те же географические названия, рассказывается в латинском житии святой Маргариты, пользующейся большой популярностью в качестве помощницы при родах.

Легенда о блуднице по имени Пелагия, обращенной в христианство неким монахом, существовала в Тире. Здесь вводится новый мотив: Пелагию подозревают, что она согрешила и родила ребенка, но много лет спустя выясняется, что то была клевета. Точно так же святая Маргарита, бежав в мужском платье из-под венца, чтобы поступить в монастырь под именем монаха Пелагия, подвергается обвинению в совращении привратницы. Много монаха, успевшего стать настоятелем монастыря, изгоняют из общины, и лишь после его смерти выясняется, что то была женщина.

Если собрать все эти сходные легенды о Пелагее («морской»), Марине («морской»), Маргарите («жемчужине»), Анфусе («цветущей»), то ясно станет, что в них речь идет об одной и той же богине — юной, прекрасной, девственной и развратной, рожденной из пены морской, невесте-блуднице — Афродите; Афродита-Пелагия, называли ее греки, Венус-Марина — римляне; цветущая — ее эпитет, жемчуг — ее украшение, голубь — ее птица. До сих пор голубей содержат при храме богородицы на горе Эрикс, в Сицилии, где раньше стоял храм Афродиты. Статуя святой Маргариты в часовне святого Георгия в Вестминстере — точное подобие статуи Астарты, финикийской ипостаси Афродиты.

Так единый образ богини любви Афродиты распался на отдельные христианские бледные копии, сохранившие лишь отдельные беглые черты, эпитеты, одеяние дочери Зевса. Впрочем, на о. Кипре Афродита сохранилась и под настоящим своим именем — как богородица Афродитеса.

Тот же процесс смешения христианских и нехристианских культов происходил много веков спустя в Киевской Руси, которой князья и купцы навязали вместе с византийскими товарами византийских богов. «В христиан-

ских святых,— пишет в своей «Истории русской церкви» Н. М. Никольский,— и священных реликвиях, которым церковь присвоила чудотворную силу, приднепровец вновь находил утраченных было специальных богов-покровителей и фетишей; в непонятном для него культе он находил замену прежних волхвований, а на монахов и на священников смотрел как на волхвов... Этот процесс синкретизма облегчался еще тем, что по существу все указанные элементы христианских верований и культа вели свое происхождение от тех же анимистических предков... Наконец действовало и еще одно условие, именно — педагогические приемы византийских проповедников. Не будучи в силах достигнуть действительного превращения дикарей в христиан, видя тщетность убеждений, что языческие боги не существуют в действительности... они пошли на такие же уступки, какие в свое время вынуждена была сделать и греческая церковь: они признали реальность существования всех бесчисленных славянских богов, приравняв их к бесам, и признали святость традиционных мест и сроков культа, выстраивая храмы на месте прежних кумиров и капищ и назначая христианские праздники приблизительно на те же дни, к которым приурочивались ранее языческие».

Благодаря такой политике славянский Перун более или менее мирно превратился в Илью Пророка, скотий бог Велес — в святого Власия, покровителя стада. Исконные славянские праздники, связанные с определенными производственными моментами, получили христианское оформление. Культы буйного Ярилы, Лада и др. были приурочены к культу христианских богов — святого Георгия, святого Иоанна Предтечи и т. д.

СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ КУЛЬТА СВЯТЫХ

Таков был процесс образования культа святых. На основе первобытного анимистического почитания душ умерших греческий культ героев, римский культ гениев были целиком пересажены на христианскую почву; языческие боги и герои со всеми своими аксессуарами, переименовав часто одно лишь имя, были усвоены христианством отчасти при сознательном содействии, отчасти при слабом противодействии со стороны руководителей церкви. Для

своего внешнего оформления культ мучеников и святых использовал готовые образцы, данные в греческой литературе, мифологии и культовой практике.

Но объект культа в христианстве был иной, чем в эллинском культе героев, ибо социальные условия, в которых находилась христианская община, были иные, чем в древней Элладе. Мы видели, как культ героев видоизменялся в соответствии с переходом от аристократически-родового строя к демократии, от демократии к абсолютной монархии. Христианские общины, конечно, не представляли собой единого целого; классовые противоречия и классовая борьба сказывались в них со всей силой. Мало того, христианство само стало новым орудием классового угнетения. Но субъективно — и в этом выражается вредная роль всякой религиозной идеологии — христиане рассматривали себя как нечто единое, но связанное не кровным родством, не общностью цеховых или местных интересов, а лишь общностью культа. Пока христианские общины не оформились в организации, имеющие свои финансы, свое имущество, свое собственное управление и играющие серьезную роль в жизни не только своего города, но и — через церковь — всего государства, культ героев-мучеников не развивался и не носил всеобщего характера. Только со середины III века начинается быстрый подъем культа мучеников, то есть с того времени, когда христианские общины становятся серьезной силой, с которой империи приходится считаться. Христиане — помещики, финансисты и чиновники, крепко сплоченные в мощные организации, — начинают оспаривать власть у римской знати, фиктивно еще сохранившей свое бывшее величие и значение. Фикция демократии и республики долгое время еще продолжала существовать в эпоху империи. Императоры продолжали издавать декреты властью народного трибуна или консула, все веления императора механически штамповались сенатом, а годы по-прежнему обозначались именем консулов, лишенных фактически и тени власти. Право римского гражданства, которого ранее варвары добивались как особой чести, утратило свое обаяние; зато возросло значение муниципий — городских управлений, в которых местами христиане занимали видное место. Старые римские традиции и носитель их — сенат перестали быть опорой власти, начали становиться обузой. В этот переходный

период власть колебалась между старым и новым, и эти колебания отражались на отношении к христианам. Торжество христианской церкви ознаменовало собой конец периода демократических иллюзий, окончательное утверждение империи, победу провинциального, варварского, помещичьего, крепостнического Рима над Римом патрицианским, республиканским, рабовладельческим.

В III и IV веках христианские церкви принадлежали именно к тем организациям, которые были враждебны древним традициям Римской республики. Во главе общин стояли обычно не родовитые крупные чиновники, финансисты и землевладельцы; да уж сама финансовая мощь церковных организаций создавала клиру, руководившему делами общины, солидный авторитет и превращала его в серьезную силу. В грызне и борьбе за власть между различными группами эксплуататоров христианские епископы, опиравшиеся на крепко сплоченную организацию и распоряжавшиеся значительными денежными средствами, имели солидные шансы и вызывали к себе острую ненависть со стороны конкурентов и усиленное внимание — иногда благожелательное, иногда враждебное — со стороны императорской власти. Конечно, и церковные организации раздирались внутренней борьбой — классовой и национальной. Эта борьба внешне отражалась в догматических спорах, в образовании еретических сект. Но духовенство крепко держало власть в своих руках, и одним из орудий утверждения господства христианской знати над христианским же плебсом был культ мучеников.

В древней Греции культ аристократических родоначальников, а затем культ основателей колоний, отцов города, военачальников и царей отражал идеологию господствующего класса и служил прославлению его представителей как защитников «отечества» в целом, без различия социального положения. Точно так же в христианских общинах культ мучеников, проливших свою кровь за всю общину, презревших якобы все мирские блага во имя бога, должен был сплотить общину вокруг ее глав и подавить протест бедноты против эксплуатации ее знатыми и богатыми единоверцами, из среды которых вербовались «мученики». Культ мучеников — фантастическое отражение в небесах отношений господства и подчинения внутри христианской организации. Поэтому церковь не прекращала и не прекращает своего мифотворче-

ства. Когда иссякли мученики, были пущены в оборот аскеты, подвижники и монахи. Получилась двойная выгода. Пропаганда отказа от земных благ во имя небесного, потустороннего блаженства прямо служила интересам правящих классов, а для самой церкви монашеские идеалы послужили источником чудовищного обогащения за счет жесточайшей эксплуатации трудящихся монастырями.

Но кроме князей церкви и монахов церковь услужливо канонизировала царей и королей. Двадцать византийских царей и цариц были причислены к лику святых православной церковью, в том числе знаменитая своим развратным поведением царица Федора. А в Англии и Франции король своим прикосновением исцелял больных (до XVIII века!), для чего была выработана специальная церковная служба.

Это не значит, что культ мучеников и святых был выдуман клириками. Он возник естественно, лишь только христианская община окрепла и оформилась как прочная организация на солидной материальной базе. Прежнее «национальное самосознание», которым затемнялось классовое самосознание, превратилось в новой, не связанной национальными рамками религиозной организации в сознание принадлежности к одной вероисповедной «семье», покровительствуемой героем-мучеником. Но эта выросшая на основе древних языческих представлений разновидность культа была на руку руководящим кругам церкви, и они сделали все возможное, чтобы возвеличить культ мучеников и расширить сферу его распространения до крайних пределов.

Слава, авторитет и таинственное могущество озаренного особой благодатью «мученика», естественно, распространялись на все церковное руководство, так как вербовались мученики для культа, конечно, из церковной знати. Если ограничиться только теми святыми и мучениками, которых прославил в своей «золотой легенде» Яков де Во-рагин, то из 162 мучеников и святых, не считая апостолов и других библейских персонажей, оказывается епископов, патриархов и пап 39, других клириков — 26, принцев, крупных чиновников, представителей знати и богачей — 69; лишь о 28 ничего прямо не сказано насчет их социального положения, но из жития видно, что они были люди богатые, имеющие обширные имения, роскошные дома и

рабов. Конечно, жития не представляют собой исторических документов, по которым можно судить о классовом составе мучеников, да и мученики в подавляющем большинстве случаев — мифические личности. Но древнейшие жития служат верным показателем того, как представляли себе мучеников древние авторы житий и их источники.

Характерно также, что в житиях обычно толпа рядовых христиан посещает мучеников в тюрьме, присутствует при их пытках и казни, открыто выражая свое сочувствие героям и свою ненависть к гонителям. Однако никто их за это репрессиям не подвергает. Это опять-таки чисто литературный, поэтический вымысел, но он отражает представление о том, что мученик — епископ, клирик или вообще знатное лицо, тогда как верования толпы не интересуют римских чиновников. Во время гонений оно так и было; преследованиям подвергались в первую очередь руководители общины, как вожаки враждебной правительству политической организации, у которых к тому же можно было по этому случаю конфисковать значительное имущество. Массы христиан сколько-нибудь серьезным гонениям не подвергались.

Канонизация главарей церкви стала со временем делом само собой разумеющимся. Из 63 патриархов константинопольских за время с 315 до 925 года 50 были механически причислены к лику святых. Для двух патриархов исключение было сделано потому, что они были «еретиками». Только двое правоверных не были почему-то канонизированы. Впрочем, один из них занимал престол всего несколько месяцев и не успел стать святым. Сплошная канонизация патриархов была принята и в других митрополиях, и развелось их, наконец, столько, что в XI веке пришлось произвести отбор и оставить в святцах главным образом столичных, константинопольских, патриархов. Римские епископы также канонизировались западной церковью все подряд, вплоть до конца средневековья.

Так же, как и в древней Греции, герои-святые после утверждения христианства как государственного вероисповедания стали рассматриваться как основатели, защитники и покровители отдельных городов, заменив собой в этой роли прежних языческих богов и героев. Мученики получали, как и герои, прозвища: сосиполис (спаситель города), сосипатрос (спаситель отечества), филополис

(друг города). Древнейшими представителями таких святых патронов были, как это показал немецкий исследователь Люциус, святая Фекла из Селевкии, заменившая богиню Афины и героя Сарпедона, святой Дмитрий Солунский — преемник македонских кабиров и др. В эпоху феодализма культ святых патронов достиг особо широкого распространения. И до сих пор святой Денис считается покровителем Франции, святой Михаил — покровителем Англии, святой Савва — покровителем Сербии и т. д. Кайе насчитал сотни католических святых патронов тех городов, где покоятся их мощи и где, следовательно, находится их дух. В Италии представление о духе-патроне как представителе местной власти было настолько живо, что святого можно было избрать голосованием или низложить. Энциклика папы Урбана VIII запрещает выбирать местных святых-покровителей на общих собраниях верующих. Но еще в 1882 году жители Сеяно, неудовлетворенные местным святым Марком, собрались ночью, низложили Марка и назначили своим патроном святую Марию-Веккию. В житии святого Бенедикта рассказывается про одну знатную девицу, которая, живя по соседству со святылищем Бенедикта, посетила могилу Дениса в Париже и Марциала в Лиможе; но эти чужие святые оказались бессильны ее излечить. Отец девицы опечалился и сказал: «Теперь наш местный святой раздражен нашим невниманием к нему и не захочет молить бога за нашу дочь». Но девица дала обещание стать навеки поклонницей Бенедикта. Святой тогда сменил гнев на милость: девица выздоровела и счастливо вышла замуж.

Культ святых был прекрасным средством в руках церкви для христианизации варваров. Вслед за солдатами и купцами шел миссионер, который подставлял своего святого на место чтимого населением местного божества или канонизировал местного бога, окрестив его христианским именем. Культ святых с их специальными функциями божков-покровителей был близок и понятен населению Германии, Галлии, Британии; внешние формы культа не представляли здесь ничего нового и необычного, и процесс христианизации, особенно при поддержке вооруженной силы, проходил сравнительно гладко. В конце концов, церковь интересовалась не столько тем, во что верят новообращенные христиане, а тем,

насколько ревностно они уплачивают свою десятину в пользу церкви, насколько щедро вознаграждают за требы и как покорно несут двойное иго — феодала и попа.

Феодализм содействовал распространению культа святых. Христианство застало население Европы в римских провинциях на начальной стадии культуры, где основной общественной единицей было племя, возглавляемое князем и его дружиной; главная масса населения вела примитивное земледельческое и скотоводческое хозяйство; в соответствии с этим германцы, галлы, славяне практиковали культ духов предков, функции которых были ограничены узким районом. Христианские святые были поэтому с самого начала едва ли не единственным объектом культа, который принимался варварами без сопротивления. К тому же христианский святой был для них реальной силой, которая помогала христианам покорить их; он, следовательно, обладал особым могуществом, и франк или славянин считал выгодным для себя заручиться таким сильным новым покровителем.

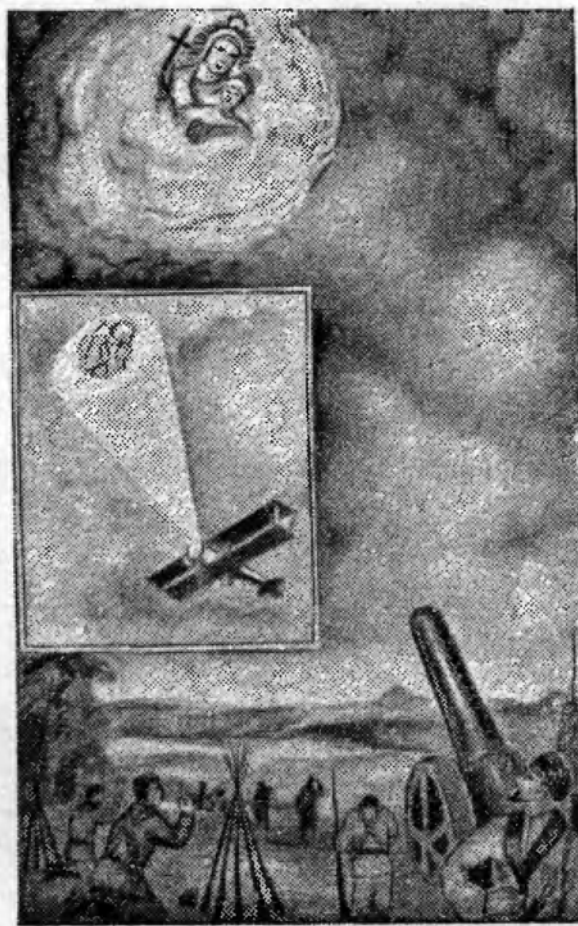
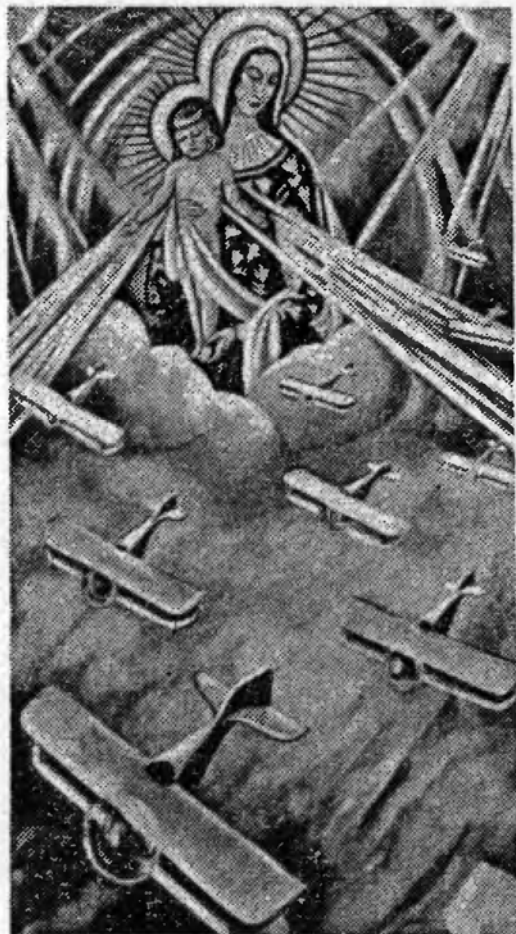
В дальнейшем, когда христианство в Европе утвердилось прочно, в религиозном сознании европейцев отобразились установившиеся на земле отношения. Крестьянин-крепостной находится в непосредственной зависимости от своего помещика, помещик — от своего барона, барон — от короля, а король — от императора или папы; но власть императора была слабой, она непосредственно народных масс не касалась. Так в небесах существуют где-то боги — Иисус, Мария, бог-отец, но фактической властью пользуются бароны — святые. Ремесло было сосредоточено в замкнутых цехах; соответственно этому и святые имеют свои строго ограниченные функции. Антипа лечит от зубной боли, но он совершенно бессилен при грыже. Святой Патрик — могущественный покровитель Ирландии, но ему грош цена во Франконии. Натуральное хозяйство и феодальный строй были особенно благоприятны для восприятия культа святых, который к тому же нашел подготовленную почву в местных примитивных верованиях.

Русская церковь, начало которой было положено византийскими попами, переняла и всех византийских святых и неуклонно до самого падения самодержавия пополняла свои святцы и собственными святыми — князьями, епископами, митрополитами и монахами. История

Фотография с иконы Николая Чудотворца, лицо которого в целях монархической пропаганды вырезано на дереве по портрету Николая II.

канонизации русских святых служит лучшей иллюстрацией прямого и сознательного использования религии как орудия одурманивания масс. Прославление святых применялось как средство возвеличить и укрепить авторитет власти и церковников, поддерживать и разжигать

Освящение империалистических войн с помощью культа святых.

Левый рисунок: Мадонна — покровительница военных летчиков.

(Копия с обложки католического журнала.)

Правый рисунок: Явление богородицы на небе, сфабрикованное в целях усиления религиозной пропаганды среди русских солдат в 1914 году, с помощью мощного проекционного фонаря, установленного на самолете.

национальную рознь (например, канонизация «отрока Гавриила», попытка канонизировать Ющинского) и даже как средство борьбы с революционным движением. В 1903 году нарастающие революционные настроения пролетариата побудили Николая II и послушный его велениям синод канонизировать Серафима Саровского, чтобы отвлечь народные массы от мыслей о революционной борьбе к религиозному фанатизму. Правда, даже митрополит

Антоний считал этот явный шантаж не совсем удобным. Но религиозный дурман — слишком хорошо испытанное средство, чтобы царское правительство отказалось от такого выгодного дела, как прославление новоявленного чудотворца. С тою же целью была позднее предпринята канонизация Иоасафа Белгородского.

Протестантские и свободомыслящие историки церкви, хоть сами и не признают культа святых, с умилением пишут о беззаветном героизме мучеников и подвижников, своей благочестивой жизнью и мученической смертью укрепивших славу и величие христианского учения. Отрицая приписываемые святым чудеса и даже подвергая сомнению историчность большинства «подлинных» святых и мучеников, эти ученые воздают должное «глубине и силе нравственного учения», которое могло толкнуть людей на подвиг, хотя бы этот подвиг был только благочестивым вымыслом автора жития. Пусть это легенда, но легенда поучительная, свидетельствующая о «пламенной вере», «высоких идеалах», «силе духа».

Но беспристрастный анализ материалов показывает, что культ героев и мучеников, как и всякий культ, вырос на почве примитивных анимистических воззрений, отразил классовую борьбу внутри христианской церкви и стремление руководителей церкви к власти. Культ святых стал прекрасным орудием порабощения — крестом и мечом — варварской Европы и до последнего времени использовался для одурманивания верующих, для поддержания престижа царей, попов и богачей, для разжигания национальной розни, для поддержки самой мрачной политической реакции. А духовенство, сверх того, извлекает из культа святых совершенно не поддающийся учету и исчислению, чудовищно колоссальный доход от эксплуатации фабрикуемых церковью чудес, реликвий и мощей мифических мучеников и чудотворцев.

СОДЕРЖАНИЕ

Христианское многобожие	3
Зачатки культа святых у первобытных народов	6
Герои-святые в эллинских культах	10
Христианские святые на смену греческим героям	21
Мученичество и гонения как богословская спекуляция	24
Как пополнялись кадры мучеников	32
Мастерская агнографа	36
Култ святых на службе церкви	46
Канонизация языческих богов	54
Социальные корни культа святых	62

Ранович А.

КАК СОЗДАВАЛИСЬ ЖИТИЯ СВЯТЫХ

Редактор *Ф. Гаркавенко*

Художник *А. Лесковец*

Художественный редактор *Г. Семиреченко*

Технический редактор *Ю. Мухин*

Ответственный корректор *Э. Володина*

Сдано в набор 20 июля 1960 г. Подписано в печать 28 октября 1960 г.
Формат 84 X 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 2¹/₄. Условн. печ. л. 3,69. Учетно-изд. л. 3,67.
Тираж 100 тыс. экз. А 06876. Заказ № 1847. Цена 8 коп.

Госполитиздат, Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР, Москва, Краснопролетарская, 16.